

John R.R. Tolkien

The Silmarillion

Джон Р.Р. Толкин

Сильмариллион

в переводе
Н. Эстель

Толкин: разные переводы (АСТ)

Джон Толкин
Сильмариллион

«Издательство АСТ»

1977

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Толкин Д. Р.

Сильмариллион / Д. Р. Толкин — «Издательство АСТ»,
1977 — (Толкин: разные переводы (АСТ))

ISBN 978-5-17-135812-9

«Сильмариллион» – один из масштабнейших миров в истории фэнтези, мифологический канон, который Джон Руэл Толкин составлял на протяжении всей жизни. Свел же разрозненные предания Земель Белерианда воедино, подготовив текст к публикации, сын Толкина Кристофер. В данное издание вошел перевод Н. Эстель.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-135812-9

© Толкин Д. Р., 1977
© Издательство АСТ, 1977

Содержание

Айнулиндалэ	6
Валаквента	11
Квента Сильмариллион	16
Глава 1	17
Глава 2	22
Глава 3	25
Глава 4	30
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	44
Глава 10	52
Глава 11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Джон Рональд Руэл Толкин

Сильмариллион

J.R.R. Tolkien
SILMARILLION

Originally published in the English language
by HarperCollins Publishers Ltd
Перевод с английского Н. Эстель
Компьютерный дизайн В. Воронина
Печатается с разрешения издательства
HarperCollins Publishers Limited
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Серия «Толкин: разные переводы»

© The J.R.R. Tolkien Copyright Trust and C. R. Tolkien, 1977

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Айнулиндалэ

Песнь айнуров

Был Эру, Единый, кого в Арде зовут Илуватар. Сначала он мыслью своей породил айну-ров, Священных; и они были с ним, когда других созданий еще не существовало. Он говорил с ними и давал им музыкальные темы; они пели перед ним, и он радовался. Только пели они поодиночке и редко сплетали голоса: ибо каждый постигал только часть мысли Илуватара – ту, из которой возник сам, – и потому трудно было им понять друг друга. Но по мере того как каждый из них вслушивался в пение остальных, их понимание росло, и они приходили к большей гармонии и единству.

И вот однажды Илуватар созвал всех айнуров и предложил им могущественный напев, открыв им больше чудесных тайн, чем когда-нибудь до того; и величие этого напева так поразило айнуров, что они склонились пред Илуватаром, но остались безмолвны.

Илуватар промолвил:

– Я желаю, чтобы на тот напев, что я задал вам, вы общими усилиями создали Великую Песнь. И так как я зажег вас от Неугасимого Пламени, явите теперь силы свои в создании Песни – каждый, как думается и желается ему. Я же буду слушать вас и радоваться великой красоте, пробужденной вами.

Тогда голоса айнуров, подобные арфам и лютням, флейтам и трубам, виолам и органам, и неисчислимым хорам, сплелись и претворили напев Илуватара в Великую Песнь; чудесно сплетенные мелодии поднялись до высот, и низринулись в бездны, и выплеснулись из обиталищ Илуватара в пустоту, и пустота заполнилась музыкой. Никогда больше не творили айнуры музыки, равной этой, хотя и говорят, что, когда настанет предел дням, хоры айнуров и других Детей Илуватара породят музыку более великую. Тогда замысел Илуватара будет наконец воплощен в полной мере, ибо каждый узнает свою цель и каждый будет понимать другого, а Илуватар даст их мыслям свой тайный пламень, ибо будет доволен.

А сейчас Илуватар сидел и внимал их пению. Поначалу все радовало его слух, ибо гармония была безупречна. Но тема развивалась – и в душе Мелькора запало искушение повести мелодию по-своему, не так, как задумал Илуватар: ибо так мыслил он возвысить силу и блеск партии, назначенной ему. Мелькор был превыше прочих айнуров одарен мудростью и силой, владея частицами открытого каждому из его братьев. Он часто скитался один по пустынным безднам в поисках Негаемого Пламени; ибо ему не терпелось дать Бытие собственным творениям; и казалось ему, что Илуватар не спешит обращать Ничто в Нечто, и нетерпение охватывало его при виде пустоты. Пламени он не нашел, ибо Пламя было у Илуватара. Но одиночество породило в нем думы, неведомые собратьям.

Эти помыслы и вплел он теперь в свою музыку – и сейчас же вокруг него начался разлад, и многие, что пели рядом с ним, сникли, разум их смутился, и мелодии стихли; а некоторые стали вторить Мелькору и изменили свои помыслы. Тогда разлад разросся, и прежние мелодии потонули в море неистовых звуков, но Илуватар все сидел и внимал, покуда не стало казаться, что трон его высится в сердце бури, точно темные волны борются друг с другом в бесконечной неутрахающей распре.

Тогда восстал Илуватар – и увидели айнуры, что он улыбается: он поднял левую руку – и среди бури возникла новая тема, похожая и непохожая на прежнюю, и она обрела силу и новую красоту. Но разлад Мелькора вновь поднялся в волнении и шуме и заспорил с ней, и опять началась война звуков, яростнее прежнего, пока многие айнуры не смутились и не умолкли, –

и Мелькор одержал верх. Тогда вновь поднялся Илуватар, и его лицо было суровым; он поднял правую руку – и среди смятения родилась третья тема, не похожая на прежние. Ибо сначала казалась она тихой и нежной, прозрачной каплей ласковых звуков; но ее нельзя было заглушить, и она вбирала в себя силу и глубину. И наконец стало казаться, что две песни звучат одновременно пред престолом Илуватара, и были они различны. Одна была широка, глубока и прекрасна, но медленна и исполнена неизмеримой скорби, из которой и вырастала ее красота. Другая же, хоть и достигла теперь некоей цельности, была громкой, пустой и бесконечно повторялась; гармонии же в ней было мало – словно множество труб выдувало в унисон всего несколько нот. Этот напев тилился заглушить другую музыку неистовством своего голоса – но самые победные звуки его вплетались, захваченные ею, в ее скорбный узор.

В высший миг этой борьбы, когда чертоги Илуватара сотряслись и трепет пронесся по дотолу непотревоженному безмолвию, Илуватар поднялся в третий раз, и ужасен был его лик. Он поднял обе руки – и единым созвучием, глубже Бездны, выше Сводов Небес, всепроникающим, словно свет очей Илуватара, Песнь оборвалась.

И молвил тогда Илуватар:

– Могучи айнуры, и самый могучий из них – Мелькор; но должно знать ему – и всем айнурам: я – Илуватар. То, о чем вы пели, я покажу вам, чтобы знали вы, что сделали. А ты, Мелькор, увидишь, что нет музыки, исходящей не от меня, равно как никто не может изменить напев вопреки мне. Ибо тот, кто попытается сделать это, окажется лишь моим орудием в создании дивных чудес, что он сам не способен постичь.

Айнуры устремились. Они не поняли обращенных к ним слов, а Мелькор исполнился стыда и скрытого гнева. Илуватар же поднялся и вышел из прекрасных обиталищ айнуров, что сотворил он для них; и айнуры последовали за ним.

И когда они вышли в Ничто, молвил им Илуватар:

– Узрите свою Песнь!

И он явил им видение, одарив помимо слуха и зрением; и они увидели пред собой новый Мир, шар, укрепленный в Пустоте, но ей не принадлежащий. Они смотрели и дивились, а Мир этот раскрылся перед ними, и мнилось, что он живет и растет. И через некоторое время – айнуры же молчали – Илуватар вновь сказал им:

– Узрите свою Песнь! Это ваше пение; и каждый из вас отыщет там, среди того, что я явил вам, вещи, которые, казалось ему, он сам придумал или развил. А ты, Мелькор, откроешь все тайные помыслы своего разума и поймешь, что они лишь часть целого и данники его славы.

И о многом другом поведал в то время айнурам Илуватар, и они помнят его речи и знают, что каждый из них вложил в его Песнь; потому айнурам известно то, что было, есть и будет, и немного сокрыто от них. Есть, однако, то, чего они провидеть не могут – ни в одиночку, ни советуясь друг с другом; ибо никому, кроме себя самого, не раскрывает Илуватар всех своих замыслов, и в каждую эпоху появляются вещи новые и непредвиденные, так как они не исходят из прошлого. И потому, когда видение Мира раскрывалось пред айнурами, они увидели в нем вещи, о коих не думали. И с удивлением узрели они приход Детей Илуватара и жилище, что было приготовлено для них; и поняли, что сами, творя Музыку, были заняты сотворением этого дома, не зная, что в музыке их лежит иная цель, помимо собственной красоты. Ибо Дети Илуватара были задуманы им одним: они пришли с третьей темой, их не было в теме, которую задал вначале Илуватар, и никто из айнуров не участвовал в их создании. Но тем более полюбили их айнуры, увидав не похожие на них самих создания, странные и вольные, в коих дух Илуватара открылся по-новому и явил еще одну каплю его мудрости, которая иначе была бы сокрыта даже от айнуров.

Дети Илуватара – это эльфы и люди, Перворожденные и Последыши. Среди всех чудес Мира, его обширных пространств и чертогов, его кружащихся огней, Илуватар избрал им место для жилья в Глуби Времен, между бесчисленных звезд. И место это могло показаться

песчинкой тем, кто видит величие айнуrow, но не их устрашающую зоркость и точность в мелочах: ибо они, строя столп с основанием обширным, как поле Арды, вершину его делают острее иглы; или тем, кто видит лишь бесконечные просторы Мира, что поныне создают айнуrow, и не замечают точной соразмерности мельчайших его частей. Но когда узрели айнуrow в видении это жилище и увидели появление Детей Илуватара, – многие из самых могучих преломили все думы и страсти свои к тому месту. И главой их был Мелькор – так же, как вначале он был величайшим из айнуrow, создавших Песнь. И он лгал – вначале даже себе самому, – что хочет отправиться туда и привести все в порядок к приходу Детей Илуватара, смеряя свои ледяные и знойные страсти. На самом же деле он желал подчинить себе эльфов и людей, завидуя дарам, коими обещал одарить их Илуватар; он жаждал иметь слуг и подданных, зваться Властелином и господствовать над чужой волей.

Прочие же айнуrow смотрели на жилище, помещенное среди Мировых пространств, эльфы зовут его Арда – Земля, – и души их ликовали, и глаза, видя многоцветье ее покровов, наполнились радостью; внимая же реву моря, ощутили они великий непокой. Видели они ветра́ и воздух, и все, из чего сделана Арда, – железо и камень, серебро и золото и прочие вещества; но более всего восхитила их вода. И, как говорят эльфы, в воде осталось жить эхо Песни айнуrow; а потому Дети Илуватара готовы бесконечно слушать голос моря – и, однако, не ведают, чему внемлют.

К воде обратил свои помыслы айнуrow, коего эльфы зовут Ульмо – по воле Илуватара он был самым сведущим в музыке. А к воздуху и ветру обратился Мánвэ, благороднейший из айнуrow. Об устройстве суши мыслил Ауле, коему Илуватар дал мастерства и знаний не менее, чем Мелькору; но радость и гордость Ауле – в творчестве и в сотворенной вещи, а не в обладании и господстве; и потому он дарит, а не копит, и свободен от забот, все время переходя от уже сделанного к новой работе.

И молвил Илуватар, обращаясь к Ульмо:

– Ужели не видишь ты, как там, в этом малом краю, в Глуби Времен, Мелькор объявил войну твоим владениям? Он придумал жестокий, убийственный холод – и все же не разрушил красоты твоих родников и прозрачных озер. Взгляни на снег и на искусную работу мороза! Мелькор создал зной и неборимое пламя – и не иссушил твоего желанья, не заглушил музыку моря. Взгляни на высоту и величие облаков и зыбкие туманы; услышь, как падает на землю дождь! В этих облаках ты приблизишься к Мánвэ – другу, столь любимому тобой.

И отвечал Ульмо:

– Воистину, вода стала теперь прекрасней, чем представлялась моей душе, и в самых тайных думах не видел я снежинок и не пел о дожде. Я приду к Мánвэ, и мы с ним вместе будем слагать песни и радовать тебя.

Так Мánвэ и Ульмо с самого начала стали союзниками и преданнее всех служили помыслам Илуватара.

Но пока Ульмо говорил, а айнуrow любовались видением, оно пропало и скрылось от их взоров; и показалось им, что в этот миг они познали нечто новое – Тьму, которая прежде являлась им лишь в думах. Но они были очарованы красотой видения и поглощены раскрывшимся пред ними Миром, что обретал бытие, и души их были заполнены им; ибо история не завершилась и круги времени не замкнулись, когда видение исчезло. И говорят, что погасло оно, не успев показать Владычество людей и увядание Перворожденных; потому, хотя в Песни заключалось все, валары не увидели Поздних Эпох и Конца Мира.

Тут беспокойство охватило айнуrow; но Илуватар воззвал к ним и сказал так:

– Мне ведома жажда ваших душ, чтобы то, что вы видели, было на самом деле, а не только в ваших помыслах. Потому говорю я: *Эа!* Да *будет* все это! И я бросаю в пустоту Негасимый Пламень, и он станет сердцем Мира, Что Будет; и те из вас, кто пожелает, смогут спуститься туда.

И внезапно айнуры узрели вдали свет, будто облачко с сердцем живого пламени; и поняли они, что это не видение, но что Илуватар создал новое: Эа, Мир Сущий.

Так и случилось, что некоторые айнуры по-прежнему живут с Илуватаром за гранью Мира; а иные – и среди них самые могучие и прекрасные – оставили Илуватара и спустились в Эа. Но Илуватар поставил условие – или, быть может, к этому призвала их любовь, – что сила их впредь должна пребывать в Мире и быть неразрывной с ним, покуда он существует, дабы они были жизнью Мира, а он – их жизнью. Потому и зовутся они *валарами* – Стихиями, или Силами Мира.

Когда же валары пришли в Эа, то поразились и растерялись, ибо не было там ничего, что узрели они в видении, и все было предначально и бесформенно – и повсюду царила тьма. Ибо Великая Песнь была лишь ростком и цветением мысли в Чертогах Безвременья, а Видение – лишь прозрением; а сейчас они пришли в начало Времен; и поняли валары, что мир предначертан и предпёт и им должно создать его. Так начались их великие труды в пустотах неизмеренных и неизведанных и в веках бесчисленных и позабытых, покуда в Глуби Времен среди обширных чертогов Эа не настал час и возникло место для сотворения жилища Детям Илуватара. Главными в этой работе были Манвэ, и Ульмо, и Ауле; но Мелькор тоже был там и с самого начала вмешивался во все, что делалось, переиначивая это, если мог, на свой лад; и он разжег великие огни. И когда юная Земля была полна пламени, Мелькор возжаждал ее и сказал прочим валарам:

– Это будет мое владение; я объявляю его своим!

Манвэ был братом Мелькора в думах Илуватара и главным голосом второй темы, что поднял Илуватар против разлада Мелькора; и он призвал многих духов, великих и малых, и они спустились в поля Арды и помогали Манвэ, дабы Мелькор не помешал их трудам и Земля, вместо цветения, не иссохла. И сказал Манвэ Мелькору:

– Владение это не будет твоим, ибо другие трудились здесь не менее твоего.

Так началась борьба между Мелькором и прочими валарами; Мелькор на время отступил и ушел в иные области Мира, и делал там, что хотел; но жажда царить в Арде не оставила его сердца.

А валары приняли видимый образ; и так как их привела в Мир любовь к Детям Илуватара, они выбрали обличье, которое узрели в Видении Илуватара – лишь более могучее и прекрасное. Кроме того, в обличье своем они исходят больше от знаний Зримого Мира, чем от Мира, каков он есть; и они нуждаются в плоти не больше, чем мы в платье – ведь мы можем ходить обнаженными, не теряя своей сути. Так и валары могут, если хотят, ходить не одетыми, и тогда самим эльдарам трудно разглядеть их, даже будь они рядом. Одеваясь же, иные валары принимают мужской облик, а некоторые – женский; ибо таково изначальное различие их характеров, и оно лишь выражается в выборе каждого, как у нас мужской и женский пол различаются по платью, но не определяются им. Но не всегда Силы подобны обличьем властителям Детей Илуватара; временами они выбирают иной облик, если им вздумается, и являются в образах величественных и наводящих трепет.

Валары привели с собой много соратников. Одни были слабее, а кое-кто почти равен им по могуществу, и они вместе трудились над сотворением Земли и умирением ее бурь. Тогда увидел Мелькор, как валары шествуют по Земле, облекшись в одежды Зримого Мира, прекрасные и блаженные, а Земля на радость им стала садом, ибо все ее бури укрощены. Тут ненависть разгорелась в нем сильнее прежнего; и он также принял зримый облик, но по его нраву и злобе, что кипела в нем, был тот облик ужасен и темен. И он низвергся на Арду в величии и мощи больших, нежели у любого валара, подобный горе, что, стоя в море, увенчанной огнем и дымом главою пронизывает тучи, и свет глаз Мелькора был пламенем, что опаляло зноем и пронзало холодом.

Так началась первая битва валаров с Мелькором за владение Ардой; но о тех бурях эльфы знают немного. Ибо то, что было рассказано здесь, исходит от самих валаров, наставлявших *эльда́лиэ* в Валиноре, – а валары мало поведали им о войнах, что велись до появления эльфов. Однако говорилось среди эльдаров, что валары всегда стремились, вопреки Мелькору, править Землей и подготовить ее к приходу Первородных; и они создавали земли, а Мелькор разрушал их; выравнивали долины – Мелькор вздымал их вверх; воздвигали горы – Мелькор низвергал их; заполняли моря – Мелькор иссушал их; и не было нигде ни покоя, ни мира, ибо, едва начинали валары какой-нибудь труд, Мелькор разрушал содеянное или портил его. И все же труды их были не напрасны; и хотя ни в одном деле их воля и помыслы не свершились полностью и все имеет иной облик, чем хотелось вначале валарам, – тем не менее, хоть и медленно, Земля обрела вид и форму. Так наконец в Глуби Времен, среди бесчисленных звезд, было создано жилище Детей Илуватара.

Валаквента

Рассказ о валарах и майарах, как о них повествуют Книги Знаний эльдаров

В начале Эру, Единый, что у эльфов зовется Илуватар, создал айнуrow; и они сотворили пред ним Великую Песнь. Этой Песнью положено было начало Миру; ибо Илуватар сделал зримой песнь айнуrow, и они узрели ее светом во тьме. И многие из них возлюбили красоту и историю Мира, что развернулась пред их взором. А потому Илуватар дал Видению Бытие и поместил его среди Пустоты, и вложил Тайный Пламень в сердце Мира; и Мир был наречен Эа.

Тогда те айнуrow, кто желал того, восстали и пришли в Мир в Начале Времен; и делом их было трудами своими воплотить видение, им явленное. Долго трудились они в просторах Эа, которые шире всего, что могут представить эльфы и люди, пока в урочный час не создали Арды, Царства Земного. Тогда они облачились в одежды Земли, сошли на нее и поселились там.

О валарах

Величайших среди духов Арды эльфы называют валарами, Силами Арды, – люди часто звали их богами. Владык валаров семь; и вал, владычиц валаров, также семь. Вот как звались они на языке эльфов Валинора – ибо эльфы Белэрианда звали их иначе, а люди давали им свои имена, в разных местах разные. Владыки валаров звались (в надлежащем порядке): Манвэ, Ульмо, Ауле, Оромэ, Мандос, Лóриэн и Тóлкас; а владычицы именовались: Вáрда, Йавáнна, Ниэ́нна, Эсте, Вбáрэ, Вáна и Нэ́сса. Мелькор более не считается валаром, и имя его не произносится на Земле.

Манвэ и Мелькор были братьями в думax Илуватара. Самым могучим из айнуrow, что пришли в Мир, был изначально Мелькор; но Манвэ ближе Илуватару и яснее понимает его. Ему было предначертано стать первым из всех владык: Повелителем Арды и всего, что живет там. В Арде ему милее всего ветра, облака и все токи воздуха – от высот до глубин, от верхних границ Покрывала Арды до ветерков, шуршащих в траве. За это он прозван Сýлимо – Веятель, Владыка Дыхания Арды. Он любит всех быстрокрылых птиц, и они покорны его воле.

Супруга Манвэ – Варда, Владычица Звезд, кому ведомы все уголки Эа. Краса ее столь велика, что не описать ее словами эльфов или людей; ибо свет Илуватара сияет в ее лице. Ее сила и радость – в свете. Из глубин Эа примчалась она на помощь Манвэ; ибо знала Мелькора еще до создания Песни и отвергла его, а он ненавидел ее и боялся более всех, кого создал Эру. Манвэ и Варда разлучаются редко и пребывают в Валиноре. Чертоги их над Вечными Снегами, на Ойолóссе, вершине Тани́кветиль, высочайшей из гор земных. Когда Манвэ восходит на трон и озирает Мир, то, если Варда подле него, он видит дальше всех – сквозь туманы, и тьму, и просторы морей. И если Манвэ с Вардой, она слышит яснее всех – голоса, что звучат на востоке и на западе, в долинах и на холмах, и в темных теснинах, что сотворил на Земле Мелькор. Из всех духов Мира эльфы более всего любят и почитают Варду. Они зовут ее Элберет и вызывают к ней из мглы Средизéмья, и возносят ей песни при восходе звезд.

Ульмо – владыка Вод. Он одинок. Он нигде не живет подолгу, но странствует где хочет – по всем глубинам, на земле и под землей. По могуществу он уступает лишь Манвэ и до сотворения Валинура был его ближайшим другом; но после редко появлялся на советах валаров – только если обсуждались вещи великой важности. Ибо он думает обо всей Арде и не нуждается в месте для отдыха. Кроме того, он не любит ходить по Земле и редко облачается плотью,

как то делают иные духи. Если Дети Эру видят Ульмо – они исполняются великим страхом; ибо явление Морского Короля ужасно, он подобен исполинскому валу, что обрушивается на берег в черном шлеме с пенным султаном и кольчуге, блестящей серебром и мгlistой зеленью. Громки трубы Манвэ, но голос Ульмо глубок, как глубины океана, что ему лишь доступны.

Но Ульмо любит эльфов и людей и никогда не отворачивался от них – даже когда над ними тяготел гнев валаров. По временам он невидимо приходит к берегам Средиземья или углубляется далеко в пределы земли, по заливам моря, и трубит там в свой большой рог, Улумури, сделанный из белой раковины; у тех, кто слышал эту музыку, она всегда звучит в сердце, и тоска по морю не покидает их. Но чаще Ульмо говорит с жителями Средиземья голосами вод. Ибо все моря, озера, реки, ручьи и родники подвластны ему – эльфы говорят, что дух Ульмо течет во всех жилах Земли. Так к Ульмо приходят вести – даже в глубины – обо всех нуждах и печалях Арды, которые иначе были бы сокрыты от Манвэ.

Ауле по могуществу немногим уступает Ульмо. Он владеет всеми веществами, из которых сотворена Арда. В начале начал он сделал многое в содружестве с Манвэ и Ульмо; и облик суши земной – творение его рук. Он кузнец и знаток всех ремесел, и искусен во всем – как малом, так и великом. Все драгоценные камни созданы им, и дивное золото, и величественные стены гор, и глубокие чаши морей. Ноблдоры учились у него и переняли многое; он всегда был им другом. Мелькор завидовал ему, и между ними была долгая борьба, когда Мелькор портил и разрушал все, что создавал Ауле, и Ауле устал восстанавливать и исправлять разрушенное Мелькором. Каждый из них желал творить по собственному замыслу, удивляя других, и оба любили хвалы своему мастерству. Но Ауле оставался верным Эру и подчинял свои труды его воле; и не завидовал другим, но искал советов и давал их, – а Мелькор истощал свой дух в ненависти и злобе и под конец не мог создавать ничего, кроме подражания замыслам других, а их творения он разрушал, если мог.

Подруга Ауле – Йаванна, Дарительница Плодов. Она любит все, что растет на Земле, и хранит в памяти все бесчисленные формы живого: от деревьев, что высились, как башни, в древних лесах, до мха на камнях или крохотных болотных растений. Среди владычиц валаров лишь Варду почитают больше Йаванны. В женском своем облике она высока и одета в зеленое, но по временам она принимает другие обличья. Видели ее стоящей, как дерево, в солнечном венце; с ветвей его на нагую землю падала золотая роса, и земля зеленела ростками; а корни дерева омывались водами Ульмо, и ветра Манвэ шептались с листвой. Кемента́ри, Владычицей Земной, зовется она на языке эльфов.

Феанту́ри, владыки душ, – братья и чаще всего зовутся Мандос и Лориэн. Но это лишь названия мест, где они живут, а истинные их имена – На́мо и Ирмо.

На́мо, старший, живет в Мандосе, на Западе Валинора. Он – владетель Палат Мертвых и собиратель душ убитых в бою. Он ничего не забывает; и ему известно все, что будет, – кроме того, что осталось в воле Илуватара. Он – Вершитель Судеб валаров, но объявляет свои пророчества и приговоры лишь по велению Манвэ.

Его подруга – Вайрэ – Ткачиха, что вплетает все, когда-либо происшедшее, в свои ткани, и чертоги Мандоса, которые все ширятся с уходом веков, увешаны ими.

Ирмо, младший, – господин видений и снов. Его сады в Лориэне, в земле валаров, и нет в Море равных им по красоте.

Нежная Эсте, целительница ран и усталости, – подруга Ирмо. Серы ее одежды; дар ее – отдых. Днем она ходит, но спит на острове в Лесном озере Лóреллин. Из источников Ирмо и Эсте все, кто живет в Валиноре, черпают бодрость; и часто сами валары приходят в Лориэн и находят там отдых и облегчение от бремени Арды.

Сильнее Эсте – Ниэнна, сестра Феантури; она одинока. Она знакома с печалью и скорбит по каждой ране, что нанес Арде Мелькор. Скорбь ее велика, и, когда звучала Песнь, напев Ниэнны обратился в плач задолго до завершения, и звук рыданий вплеся в темы Мира еще

до его начала. Но Ниэнна печалится не о себе, а те, кто внимает ей, познают жалость и учатся терпению и надежде. Чертоги Ниэнны на Западе Валинора, на границах Мира; и редко приходит она в город Вáлимар, где царит радость, но охотнее идет в чертоги Мандоса, что рядом с ее собственными; и те, кто ждет в Мандосе, вызывают к ней, ибо она приносит силу духа и обращает скорбь в мудрость. Окна ее дома глядят за пределы Мира.

Самый сильный и удалой из валаров – Тулкас, прозванный Аста́льдо, Доблестный. Он явился на Арду, чтобы помочь валарам в первых битвах с Мелькором. Тулкас любит борьбу и состязания в силе; верхом он не ездит, ибо и пешим может обогнать любого. Он неутомим. Волосы и борода у него золотистые, а тело – медно-красное, и его оружие – руки. Его не заботит ни прошлое, ни будущее, и он плохой советчик – но верный друг.

Подруга Тулкаса – Несса, сестра Оромэ, легконогая и гибкая. Она любит оленей, и они следуют за ней в дебрях. Но Несса опережает их, быстрая, как стрела, с ветром в волосах. Еще она любит танцы и танцует в Валимаре на полянах, поросших неувядающей травой.

Оромэ – могучий владыка. Он менее силен, чем Тулкас, но более страшен в гневе. Тулкас всегда смеется, и в состязании, и в брани, он смеялся даже пред ликом Мелькора в битвах, сотрясших Мир прежде рождения эльфов. Оромэ любит Средиземье и неохотно расстался с ним – он последним пришел в Валинор; в древности он часто переходил восточные хребты и возвращался со свитой к своим холмам и степям. Он охотник на чудищ и лихих тварей и любит собак и коней; еще он любит деревья и прозван за то Альдарон (а синдары зовут его Та́урон) – Владыка Лесов. Коня его зовут На́хар. На солнце он белый, а в ночи сияет серебром. Звук валарумы, его большого рога, подобен алому солнечному восходу или молнии, рассекающей тучи. Громче всех прочих рогов звучит он в лесах, что вырастила Йаванна; ибо Оромэ и его охотники истребляют там лиходейских тварей Мелькора. Подруга Оромэ – Вана, Вечноюная, младшая сестра Йаванны. Цветы прорастают там, где она проходит, и расцветают, если она взглянет на них; и птицы поют при ее приближении.

* * *

Таковы имена валаров и вал; здесь кратко рассказано об их нраве и внешности – какими их видели в Амане эльдары. Но хоть обличье, в котором являлись валары Детям Илуватара, прекрасно и благородно – оно лишь тень их истинной красоты и мощи. Здесь рассказана лишь малая толика того, что некогда знали эльдары, – и это ничто в сравнении со знаниями валаров, уходящими в глубины и века, для нас немыслимые. Девятеро из них были самыми могучими и почитаемыми; но один отделился от них, и осталось восемь – Аратáры, Властители Арды: Манвэ и Варда, Ульмо, Йаванна и Ауле, Мандос, Ниэнна и Оромэ. Хотя Манвэ и стоит над ними, отвечая за них перед Эру, в могуществе Аратары равны и намного превосходят других – валаров ли, ма́йаров или иных духов, которых Илуватар послал в Эа.

О майарах

С валарами пришли другие, менее могучие духи, чье бытие также началось до начала Мира. Это *майары* – подданные валаров, их слуги и помощники. Число их неизвестно эльфам, и немногие имеют имена в языках Детей Илуватара; ибо – хоть в Амане это и не так – в Средиземье майары редко являлись в зримом обличье.

Главными среди майаров Валинора, чьи имена упоминаются в хрониках Предначальной Эпохи, являются Ильмарэ, майя, приближенная Варды, и Эонвэ, знаменосец и вестник Манвэ, непревзойденный во владении оружием. Однако самые известные среди майаров – Оссе и Уинен.

Оссе – вассал Ульмо и господин морей, что омывают берега Средиземья. Он не уходит в глубины, а любит побережье и острова и радуется ветрам Манвэ; он наслаждается бурей и хохочет средь рева волн. Его подруга – Уинен, Владычица Морей, чьи распущенные волосы струятся по всем водам. Она любит все, что живет в соленой воде, и все, что растет там; к ней взывают моряки, ибо она может успокоить волны, смирив буйство Оссе. Нуменорцы долго жили под ее защитой и почитали ее наравне с валарами.

Мелькор ненавидел Море, ибо не мог покорить его. Говорят, что при сотворении Арды ему удалось переманить Оссе на свою сторону, посулив ему владения и могущество Ульмо. Так и случилось, что в давние дни начались в Море великие бури, разрушающие берега. Но Уинен, по просьбе Ауле, смирила Оссе и привела его пред очи Ульмо; и он был прощен, вернулся к своему господину и с тех пор оставался ему верен. Правда, неистовство не покинуло его, и иногда он ярится по своей воле, без приказа Ульмо. Поэтому те, кто живет у Моря или ходит на кораблях, любят Оссе, но не верят ему.

Мэлиан звали майю, что служила и Ване, и Эсте; она долго жила в Лориэне и ухаживала за деревьями, что цветут в садах Ирмо, прежде чем пришла в Средиземье. Куда бы она ни шла, соловьи пели вокруг нее.

Мудрейший из майаров – Олорин. Он тоже жил в Лориэне, но часто уходил в чертоги Ниенны и научился у нее жалости и терпению.

О Мелиан многое сказано в *Квента Сильмариллион*. Но об Олорине эта повесть не говорит ничего; ибо, хотя он любил эльфов и бродил среди них незримо или в обличье одного из них, они не знали, откуда шли дивные видения и мудрость, которые вкладывал он в их души. Позже Олорин был другом всех Детей Илуватара и сочувствовал их бедам; и те, кто внимал ему, пробуждались от отчаяния и отбрасывали думы о тьме.

О врагах

Последним стоит имя Мелькора, Восстающего в Мощи. Но этого имени он лишился, и нолдоры, более всех эльфов пострадавшие от его злобы, прозвали его Мбрготом, Черным Врагом Мира. Великая сила была дана ему Илуватаром, и он был сверстником Манвэ. Могуществом и знаниями не уступал он никому из валаров, но он обратил свои силы на злые цели и растратил их в неистовстве и тиранстве. Ибо он домогался Арды и всего, что было на ней, возжелав трона Манвэ и господства над владениями равных себе.

От величия он пал к высокомерию, а от него – к презрению ко всем, кроме себя самого, и стал духом расточительным и безжалостным. Понимание он обратил к искусному извращению всего, что хотел использовать, – и сделался бесстыдным лжецом. Начал он с жажды Света, но когда не смог завладеть им единолично, низвергся сквозь огонь и ярость во тьму. И тьмою пользовался он более всего в своих лиходейских трудах на Арде и наполнил ее страхом для всех живущих.

Однако столь велика была мощь его бунта, что в давние века он соперничал с Манвэ и всеми валарами и долгие годы властвовал над большей частью Земли. И был он не один, ибо многих майаров привлек его блеск во дни его величия, и они остались верны ему во тьме; а других он после сманил к себе на службу ложью и предательскими дарами. Ужаснейшими из этих духов были *валара́йкары*, Огненные Бичи, что в Средиземье звались *ба́лпрогами*, демонами страха.

Среди тех его слуг, чьи имена известны, величайшим был дух, которого эльдары звали *Сауро́н*, или Гортха́ур Жестокий. Вначале он был одним из майаров Ауле и остался велик в преданиях своего народа. Во всех делах Мелькора Моргота, в его огромных трудах и хитро-сплетениях коварства участвовал Саурон; лишь немногим был он слабее своего господина и

потому долго служил другому, а не себе. Но прошли годы – он восстал, как тень Моргота и призрак его злобы, и повторил его разрушительный путь в Пустоту.

Квента Сильмариллион

Повесть о Сильмарилах

Глава 1

О начале дней

Мудрые говорят, что Первая Война началась, когда творение Арды еще не было завершено и ничто не росло на земле и не бродило по ней; и долгое время Мелькор одерживал верх. Но в разгар войны, услышав в глубинах Небес о битвах в Малом Владении, на помощь валарам пришел дух великой силы и смелости; и Арду наполнили раскаты его хохота. Так явился Тулкас Сильный, чей гнев налетает как ураган, разгоняя тучи и тьму; и Мелькор отступил перед его гневом и смехом и покинул Арду, и долгие годы там царил мир. А Тулкас остался и стал одним из валаров Предела Земного; Мелькор же томился в крошечной Тьме, и возненавидел он Тулкаса навеки.

И вот валары обустроили моря, и земли, и горы, и Йаванна посеяла наконец семена, которые давно создала. И так как пламя пожаров было погашено или погребено под первобытными горами, возникла нужда в свете – и Ауле по просьбе Йаванны сделал два ярких Светильника для освещения Средиземья, сотворенного им среди морей. Потом Варда зажгла Светильники, а Манвэ благословил их, и валары укрепили их на высоких столпах, выше всех гор поздних эпох. Один Светильник они подняли на севере Средиземья и назвали его Иллуин; а второй был поднят на юге и назван Ормал; и сияние Светильников валаров струилось над Землей, и все было освещено незакатным светом.

Тогда семена, что посеяла Йаванна, стали быстро прорастать и тянуться к свету, и поднялось множество растений, великих и малых – мхи и папоротники, травы и деревья, чьи вершины, будто горы, венчались облаками, а подножия укрывались в зеленом сумраке. И пришли звери и поселились на лугах, в озерах и реках и в тени лесов. Однако ни один цветок не цвел еще, и ни одна птица не пела – они ждали своего часа на груди Йаванны; но все бурно росло, и пышнее всего – в центральных областях Земли, где свет обоих Светильников смешивался. И там, на острове Альмарен, посреди Великого Озера, было первое жилище валаров. Все было юным тогда, и зелень казалась прекрасной создавшим ее; и долго валары жили в покое. И случилось так, что, когда они отдыхали от трудов и смотрели, как растет и развивается все, что они создали, Манвэ задал великий пир; и все валары, каждый со своей свитой, отправились туда. Но Ауле и Тулкас были утомлены, ибо искусность Ауле и сила Тулкаса приходили на помощь всем во время трудов. А Мелькор знал обо всем, что творилось, ибо даже тогда имел тайных друзей и соглядатаев среди майаров; и вдали, во тьме, он исполнился ненависти, завидуя свершенному собратьями, коих жаждал подчинить себе. Он призвал из обиталищ Эа духов, которых ранее привлек к себе на службу, и решил, что сил у него достаточно. И возомнив, что время его настало, он вновь подобрался к Арде и взглянул на нее сверху, и красота Вешней Земли еще более разожгла его ненависть.

А валары собрались на Альмарене. Они не боялись зла, и свет Иллуина был ярок – и потому не увидели они на севере тени, что отбрасывал Мелькор; ибо он стал темен, как Крошечный Мрак. И поется в песнях, что на пиру Вешней Земли Тулкас взял в жены Нессу, сестру Оромэ, и она плясала перед валарами на зеленой траве Альмарена.

Потом Тулкас, усталый и спокойный, уснул – и Мелькор решил, что пришел его час. Потому он со своим войском перешел через Стены Ночи и явился в Средиземье, на его дальний север; и валары не узнали о том.

Мелькор начал рыть и строить в глубинах Земли, под темными горами, где лучи Иллуина холодны и тусклы, могучую крепость. Эта твердыня звалась Утumno. И хотя валары пока не знали о ней, злоба Мелькора и вредоносные пары его ненависти уже изливались оттуда – и Весна Арды затмилась. Зелень заболела и сохла, реки заросли тростником, а озера забил ил – и возникли болота, смрадные и ядовитые, где множились мухи; леса стали темны и опасны, и

страх поселился в них; звери превратились в чудовищ, рогатых и клыкастых, и оросили землю кровью. Тогда поняли валары, что Мелькор снова взялся за свое, и начали разыскивать его укывище. А Мелькор, веря в несокрушимость Утумно и мощь своих слуг, начал войну и первым нанес удар, когда валары не были еще готовы, – подступил к Иллуину и Ормалу, повалил столпы и разбил Светильники. При низвержении столпов зѣмли разрушились и моря вышли из берегов; а когда разбились Светильники – губительное пламя потекло по земле. И облик Арды исказился, равновесие ее вод и земель, задуманное валарами, нарушилось и впоследствии не восстановилось.

Тьма и общее смятение позволили Мелькору спастись, хотя великий ужас объял его; ибо громче морской бури возопил Манвэ, и земля задрожала под ногами Тулкаса. Но Тулкас не нагнал Мелькора, и тот укрылся в Утумно и затаился там. И в то время валары не смогли захватить его, ибо ббольшая часть их сил ушла на усмирение морей и на спасение того, что можно было еще спасти из их трудов; а после они боялись расколоть Землю на куски, ибо знали, что на ней будет жилище Детей Илуватара, время прихода коих сокрыто от валаров.

* * *

Так окончилась Весна Арды. Жилище валаров на Альмарене было разрушено, и у них не стало пристанища на Земле. А потому они ушли из Средиземья и отправились в Аман – самую западную из земель в пределах Мира, чьи берега омываются Внешним Океаном, который эльфы зовут Эккайя, океан, окружающий Предел Земной. Сколь велик тот океан, неведомо никому, кроме валаров; а за ним стоят Стены Ночи. А восточный берег Амана омывает Белегба, Великое Западное Море; и так как Мелькор вернулся в Средиземье и не был еще побежден, валары укрепили свое жилище и воздвигли на берегах моря Пелоры, Горы Амана, высочайшие на Земле. И выше всех высот Пелоров была вершина, где воссел на троне Манвэ. Эльфы зовут ту священную гору Таникветиль, и Ойолоссе – Нетускнеющая Белизна, и Элери́на – Увенчанная Звездами, и многими другими именами. А синдары на своем языке нарекли ее Эмон Уилос. Из чертогов на Таникветиль Манвэ и Варда озирают Землю до самого восточного ее края.

За стенами Пелоров валары основали свое владение, что зовется *Валинором*; там были их дома, сады и крепости. В этом укрепленном краю валары собрали свет и то прекрасное, что сумели спасти от разрушения; и многое еще более прекрасное было создано заново, и Валинор стал более красив, чем Средиземье во дни Весны Арды, и благословен, ибо Бессмертные жили там, и ничто не увядало и не сохло в том краю, цветы и листья были безупречны, и живущие не старели и не болели; ибо в самых камнях и водах жил благой дух.

* * *

А когда Валинор был создан и жилища валаров построены, они возвели за горами, в центре равнины, свой город – Ва́лмар Многозвонный. Перед его западными вратами был зеленый курган – Эзѐллохор, что зовется еще Короллба́ре; и Йаванна благословила его и долго сидела на зеленой траве и пела Песнь Веления, в которую вложила все думы о том, что растет на земле. А Ниэнна молчала и орошала курган слезами. В то время валары собрались вместе послушать песнь Йаванны и молча сидели на тронах совета в Маханакса́ре, Кольце Судьбы, близ золотых врат Валмара, и Йаванна Кементари пела перед ними, а они слушали.

И вот на вершине кургана пробились два гибких ростка; и молчание в тот час объяло весь мир, и не было других звуков, кроме песни Йаванны. Под звуки этой песни ростки вытянулись и стали высоки и прекрасны, и зацвели; так пришли в Мир Два Древа Валинора, самые прославленные создания Йаванны. Все предания Предначальной Эпохи переплетены с их судьбой.

У одного дерева листья были темно-зеленые, а снизу сияли серебром, и с каждого из бесчисленных цветов стекала серебристая свет-роса, а землю под деревом пестрили тени трепещущих листьев. Листва другого была нежно-зеленой, как у молодой березы, и каждый лист окаймляло мерцающее золото. Цветы свисали с ветвей гроздьями желтого пламени, и каждый цветок был подобен блестящему рогу, изливающему на землю золотой дождь. И от дерева исходили тепло и яркий свет. Первое дерево звалось в Валиноре Тельперионом, и Сильпионом, и Нинквелоте, и многими другими именами; а второе – Лаурелин, и Малинальдой, и Кулуриэн.

За семь часов каждое дерево разгоралось и угасало; и каждое начинало сиять вновь за час до того, как тускнело другое. Потому в Валиноре дважды в день наступал дивный час, когда свет обоих деревьев был слаб и их золотистые и серебристые лучи смешивались. Тельперион был старшим из деревьев и первым достиг полного роста и цветения; и первый час его сияния – серебристо-белый рассвет – валары не внесли в счет часов, а назвали Часом Открытия и отсчитывают от него века своего правления в Валиноре. Потому в шестой час Первого Дня – и всех последующих дней до Затмения Валинора – Тельперион умерял свой блеск, а на двенадцатый – Лаурелин свое цветение. И каждый день валаров в Амане состоял из двенадцати часов и кончался со вторым смешением цветов, когда Лаурелин угасала, а Тельперион разгорался, но свет, что стекал с деревьев, жил долго, покуда не растворялся в воздухе и не впитывался в почву. И свет-росу Тельпериона и дождь Лаурелин Варда собирала в большие чаши, подобные сияющим озерам, что для всей земли валаров стали источниками воды и света. Так начались Благие Дни Валинора – и Счет Времени.

* * *

Шли века, и приближалось время, назначенное Илуватаром для прихода Первородных – а Средиземье лежало в сумерках под звездами, что создала Варда в незапамятные годы ее трудов в Эа. Во тьме жил Мелькор, и часто бродил там в обличьях могучих и ужасных, и владел горами и безднами, и повелевал огнем и морозом, и всем, что было в то время жестокого, неистового и страшного.

Валары же отдали любовь и заботу землям за Пелорами и редко переходили горы и являлись в Средиземье. В сердце Благословенного Края был чертог Ауле, и там он трудился без отдыха, ибо во всем, что создали в той земле, его участия было больше всего, и явно, и тайно сделал он множество вещей прекрасных и удивительных. От него исходят науки о Земле и обо всем, что есть в ней; знания тех, кто сам не творит, а лишь стремится понять сущее; и знания всех умельцев – ткачей, плотников и металлургов; даже земледельцев и садоводов, хотя тем, кто возделывает землю и растит плоды, покровительствует также подруга Ауле, Йаванна Кементари. Ауле прозван другом нолдоров, ибо они многому научились у него и стали искуснейшими из эльфов; и, по-своему пользуясь тем, чем одарил их Илуватар, многое прибавили к тому, чему научились, – любили языки и письмена, вышивки, рисунки и ваяние. Нолдоры первыми научились обделывать драгоценные камни; а самыми дивными из драгоценностей были Сильмарилы – но они сгинули.

Но Манвэ, самый могучий и благой из валаров, не забывал в своих думах Покинутую Землю. Ибо трон его утвержден на вершине Таникветиль, высочайшей горы Мира, что стоит на границе моря. Духи в облике соколов и орлов то и дело влетают в чертоги Манвэ и вылетают из них; взор их видит глубины морей и пронзает толщу гор, проникая в тайные бездны. Так ему приносили вести обо всем, что творилось в Арде; кое-что, однако, было сокрыто от глаз Манвэ и его слуг, ибо там, где восседал объятый черной думой Мелькор, царила непроглядная тьма.

Манвэ не думает о собственной славе и не стремится угнетать, но правит в мире. Больше прочих эльфов любит он ваниаров, и от него они научились пению и слаганию стихов, ибо поэзия чарует Манвэ, а песня радует его слух. Одежды у него голубые, и голубым огнем

сияют глаза, а скипетр его, сработанный нолдорами, – из сапфиров; он – наместник Илуватара, Король валаров, эльфов и людей и главный защитник от лиха Мелькора. Супруга его – Варда, Прекраснейшая, что на языке синдаров зовется Элберет, Королева валаров, Создательница Звезд; и с ними – великое множество благих духов.

А Ульмо был один и не жил в Валиноре, но приходил туда, и то лишь, когда наступала нужда в Великом Совете; с сотворения Арды обитал он во Внешнем Океане, и по сей день живет там. Он направляет течение всех вод, правит приливами, реками и внешним половодьем, росами и дождями. В глубинах создает он музыку прекрасную и грозную; и отзвук ее в веселии и скорби струится по всем жилам мира; ибо хоть и весело бежит под солнцем родник, но исток его в колодцах скорби у корней Земли. Тэлеры многому научились от Ульмо, и потому в музыке их звучат и печаль, и радость. С ним в Арду пришел Салмар, сделавший Рога Ульмо, музыку которых не может забыть никто из слышавших ее; а также Оссе и Уинен, которым он отдал во владения Внутренние Моря, и много других духов. И так могуществом Ульмо, даже во тьме Мелькора, жизнь продолжала струиться по тайным жилам и Земля не умерла; и для тех, кто терялся во мраке и блуждал вдали от света валаров, слух Ульмо всегда был открыт; он никогда не отворачивался от Средиземья, и, какие бы беды и перемены ни случались после, он не переставал думать о нем и не перестанет до конца дней.

И Йаванна в годы тьмы не забыла о Покинутых Землях; все, что растет, дорого ей, и она скорбела о делах, начатых в Средиземье и испорченных Мелькором. Покинув дом Ауле и цветущие луга Валинора, она иногда приходила и исцеляла нанесенные Мелькором раны и, вернувшись, всегда убеждала валаров начать войну против его лиходейской власти, войну, которую следует завершить до прихода Первородных. И укротитель зверей Оромэ порой наезжал в темные леса; он являлся туда могучим охотником с копьем и луком, уничтожал чудовищных и жутких тварей, подвластных Мелькору, и его белый конь Нахар серебром сиял в сумерках. Тогда дремлющая земля дрожала под ударами золотых копыт, и во тьме Мира Оромэ трубил над равнинами Арды в свой рог Валарому; эхом отзывались горы, а призраки зла бежали, и сам Мелькор содрогался в Утумно, боясь грядущей расплаты. Но едва Оромэ уезжал – прислужники Мелькора собирались вновь, и земля наполнилась мраком и коварством.

* * *

Теперь все сказано об устройстве Земли и ее правителях в Начале Дней, когда Мир еще не стал таким, каким узнали его Дети Илуватара. Ибо Дети Илуватара – это эльфы и люди, и поскольку никто из айнуиров не понял до конца той темы Илуватара, с которой Дети пришли в Песнь, – никто из духов не дерзнул добавить что-либо к их облику. Потому валары стали скорее старейшинами и наставниками этих народов, чем их господами. И если айнуирам и приходилось иной раз прибегать к принуждению – когда эльфы и люди не прислушивались к советам, – это редко оборачивалось добром, какими бы добрыми ни были цели. Больше всего айнуиры общались с эльфами, ибо Илуватар создал их по нраву весьма близкими айнуирам, хотя и не столь могучими и прекрасными; дары же его людям странны.

Ибо говорят, что после ухода валаров наступило молчание и целый век Илуватар сидел один, погруженный в думы. Потом он заговорил и молвил так:

– Зрите, как люблю я Землю, что станет домом для квенди и атани! Квенди будут прекраснейшими из живых существ, они получают, познают и создадут более красоты, чем все мои Дети, и будут жить в великом блаженстве. Атанам же дам я иной дар.

И повелел он, дабы людские сердца не довольствовались Миром и не находили в нем покоя. Зато получают люди власть самим прокладывать свой путь среди красот и опасностей Мира – тогда как судьбы других существ предопределила Песнь айнуиров; и становление Мира завершится человеческими деяниями, будет мир принадлежать последним и младшим.

Но Илуватар знал, что в бурях и треволнениях Мира люди будут часто сбиваться с пути и не смогут полностью использовать дарованного им; и сказал он:

– Окажется в свое время, что все, что бы ни совершали они, послужит в конце концов к славе моих трудов.

Эльфы, однако, знают, что люди часто печалят Манвэ, которому открыты многие думы Илуватара; и кажется эльфам, что из всех айнуrows люди больше всего напоминают Мелькора, хотя он всегда боялся и ненавидел их – даже тех, кто служил ему.

Еще один из Даров Свободы – то, что люди лишь малое время живут живой жизнью и не привязаны к Миру, а после смерти уходят – куда, эльфам неведомо. Эльфы же остаются до конца дней, и потому их любовь к Земле и всему Миру более сильна и горька – и с годами все горше. Ибо эльфы не умирают, пока жив Мир, если не убиты или не истомлены скорбью (а они подвержены этим мнимым смертям); и годы не уносят их сил, просто некоторые устают от десятков тысячелетий жизни. А умерев, они собираются в чертогах Мандоса в Валиноре, откуда могут в свое время возвратиться. Но сыновья людей умирают по-настоящему и покидают Мир; потому они зовутся Гостями или Скитальцами. Смерть – их судьба, дар Илуватара, которому с течением времени позавидуют даже Стихии. Но Мелькор извратил его и смешал с мраком, и обратил добро во зло, а надежду в страх. Однако давным-давно в Валиноре валары открыли эльфам, что люди вступят во Второй Хор айнуrows; тогда как мыслей своих об эльфах Илуватар не являл никому, и Мелькор их не знает.

Глава 2

Об Ауле и Йаванне

Говорят, что первых гномов создал Ауле во тьме Средиземья. Столь сильно желал он прихода Детей, чтобы иметь учеников, кому мог бы передать свои знания и ремесла, что не по силам ему было ждать исполнения замыслов Илуватара. И Ауле сотворил гномов – такими, каковы они и сегодня, потому что облик Детей, которые должны прийти, был неведом ему, а власть Мелькора все еще тяготела над Землей; и оттого желал Ауле, чтоб они были сильны и неутомимы. Но, боясь, что прочие валары осудят его работу, он делал ее втайне и создал Семерых Праотцев Гномов в подгорном чертоге в Средиземье.

Но Илуватару ведомо все, и в тот самый час, когда труд Ауле был окончен и он, радостный, стал учить гномов языку, что придумал для них, Илуватар обратился к нему; и в молчании внимал ему Ауле. И молвил Илуватар:

– Зачем сотворил ты это? Зачем пытался создать то, что, как сам ты знаешь, превыше твоих сил и твоей власти? Ибо ты получил от меня в дар лишь свое собственное бытие, и ничего более; а потому создания рук твоих и разума могут жить лишь этим бытием, двигаясь, когда ты пожелаешь, в другое же время – застывая. Этого ли хотел ты?

Тогда Ауле отвечал:

– Не этого хотел я. Я желал существ иных, чем я сам, чтоб любить и учить их, чтобы и они могли зреть красоту Эа, которой ты дал бытие. Ибо казалось мне, что в Арде много места и много созданий могло бы жить на ней – однако она почти пуста и бесплодна. И в нетерпении своем я впал в безумие. Однако жажда творить живет в моем сердце с того мига, как ты сотворил меня; а дитя, мало понимающее промыслы отца своего, может играть, подражая его делам не в насмешку, а лишь следуя своей природе. Но что сделать мне теперь, чтобы ты более не гневался на меня? Как дитя отцу, я предлагаю тебе эти создания – дело рук, сотворенных тобой. Делай с ними, что пожелаешь. Но не лучше ли мне уничтожить самонадеянно созданное?

И Ауле, заплакав, схватил огромный молот, чтобы разбить гномов. Но Илуватар увидел смирение Ауле и сжалился над ним; а гномы испугались и увернулись от молота, и, склонив головы, взмолились о милосердии. Тогда молвил Илуватар:

– Дар твой я принял в тот миг, когда он был мне предложен. Разве не видишь ты, что создания эти живут теперь собственной жизнью и говорят собственными голосами? Иначе они не уклонились бы от твоего удара.

Тогда Ауле отбросил молот и возрадовался, и возблагодарил Илуватара, говоря:

– Да благословит Эру мой труд и примет его!

Но Илуватар заговорил снова и сказал так:

– Как дал я Бытие думам айнуоров в начале Мира, так теперь принял я твое желание и нашел ему место; и не буду я ничего менять в твоём создании – так, как ты создал его, пусть и будет. Но не потерплю я, чтобы эти существа пришли прежде, чем Первородные моей мечты, и не награжу нетерпения. Спать им отныне во тьме под камнями и не выйти из-под них, покуда на Земле не пробудятся Первородные; а до тех пор ты и они станете ждать – хоть ожидание и покажется вам долгим. Но придет время – и пробужу их, и станут они детьми тебе; и часты будут раздоры меж детьми твоими и моими; детьми моего милосердия и детьми моих дум.

Тогда Ауле взял Семерых Праотцев Гномов и отвел их в дальние и темные места, и уложил на покой; а после вернулся в Валинор и ждал – долгие годы.

Поскольку гномы должны были явиться во дни владычества Мелькора – Ауле сделал их очень сильными и выносливыми. Они тверды, как камень, стойки, скоры на дружбу и вражду и выносят тяжкий труд, голод и телесные раны лучше, чем все иные владеющие даром речи народы; живут они долго, много дольше людей – но не вечно. Среди эльфов Средиземья быто-

вало поверье, что, умерев, гномы возвращаются в землю и в камни, из которых созданы; но сами гномы говорят другое. Они верят, что Ауле-Создатель, которого они зовут М^ахал, заботится о них и собирает в Мандосе, в отдельном чертоге; и что в древности он открыл их Праотцам, что перед Концом Мира Илуватар благословит гномов и даст им место среди Детей. Тогда делом их будет служить Ауле и помогать ему в восстановлении Арды после Последней Битвы. Еще говорят, что Семь Праотцев Гномов возвращаются в жизнь в своих потомках, принимая свои древние имена; самым почитаемым из них в поздние Эпохи был Дарин, отец народа, дружившего с эльфами, – царствовал он в Кхазад-Думе.

* * *

Когда Ауле трудился над созданием гномов, он хранил свой труд в тайне от прочих вала-ров; однако в конце концов открылся Йаванне и поведал ей обо всем, что случилось. И Йаванна сказала ему:

– Эру милостив. Я вижу, сердце твое радуется, и по праву – ибо ты получил не только прощение, но и дар. Но так как ты таил от меня свои замыслы, дети твои не будут любить того, что люблю я. Им, как и тебе – их отцу, – будут милее дела собственных рук. Они будут строить под землей – и не замечать того, что растет и живет на ней. Не одно дерево ранят удары их безжалостного железа.

Но Ауле отвечал:

– Это же можно сказать и о Детях Илуватара: ибо они должны будут что-то есть и из чего-то строить. И, хотя ценность твоих созданий – в них самих, а не в пользе, что могут они принести кому-то другому, Эру даст превосходство Детям, и они будут пользоваться всем, что есть в Арде, – хотя, по промыслу Эру, не без почтения и благодарности.

– Если только Мелькор не затемнит их сердца, – молвила Йаванна.

И она не успокоилась, но печалилась сердцем, боясь того, что может случиться в Среди-земье в грядущие дни. Потому она пошла к Манвэ и не повторила слов Ауле, но сказала так:

– Владыка Арды, верно ли, как Ауле сказал мне, что Дети, когда придут, будут властвовать над созданиями моих рук и делать с ними, что хотят?

– Это так, – отвечал Манвэ. – Но почему спрашиваешь ты о том?

Йаванна умолкла и задумалась.

– Сердце мое тревожат думы о грядущих днях, – наконец молвила она. – Все, что создано мной, дорого мне. Не довольно ли, что Мелькор извратил столь многое? Ужели никто из моих созданий не будет свободен от чужого владычества?

– Будь на то твоя воля – кого бы ты охранила? – спросил Манвэ. – Кто из подвластных тебе созданий милей всего?

– Все хороши по-своему, – сказала Йаванна. – И каждый помогает оценить других. Но *кэ́лвар* могут убежать или защитить себя, а *о́лвар* – те, что растут – не могут, а из них более всего милы мне деревья. Растут они долго, а умирать станут быстро, и, если только не будут богато плодоносить, мало кто пожалеет об их гибели. Я провижу это в думах своих. Если бы деревья могли говорить от имени всего, что растет, и карать тех, кто чинит им зло!..

– Странна твоя дума, – заметил Манвэ.

– Однако так было в Песни, – возразила Йаванна. – Ибо, покуда ты был в небесах и вместе с Ульмо создавал тучи, что проливались дождем, я вздымала ветви дерев, чтобы они пили, и некоторые пели для Илуватара под ветром и ливнем.

Манвэ умолк, а думы Йаванны, что вложила она в его сердце, все росли – и переполняли его; и это увидел Илуватар. И показалось Манвэ, что вокруг него вновь звучит Песнь, и он заметил в ней множество вещей, которые, хотя он слышал их прежде, остались незамечены им. И наконец Видение открылось вновь, но теперь оно было бледно, ибо он сам был в нем –

и, однако, видел, что все держится рукою Илуватара; но вот рука проникла внутрь – и из нее вышли многие дива, что были прежде сокрыты в думах айнуrow.

Тогда Манвэ очнулся и сошел к Йаванне на Эзеллохар, и сел рядом с ней под Двумя Древами. И молвил:

– О Кементари, Эру сказал свое слово: «Ужели думает кто-то из валаров, что я не слышал *всей* Песни, до слабейшего звука слабейшего голоса? Знайте же: когда Дети проснутся, сбудутся думы Йаванны, и издалека соберутся духи, и поселятся в некоторых *кэлвар* и *олвар* – и их будут почитать и бояться их праведного гнева. На время: покуда Первородные сильны, а Последыши юны». Но разве ты забыла, Кементари, что думы твои не всегда пелись одни? Разве не встречались твои думы с моими и не обретали крыльев, подобно птицам, парящим под облаками? Это также сбудется по мысли Илуватара – и еще до прихода Детей взлетят на сильных, как ветер, крыльях Орлы Западных Владык.

Тогда Йаванна возрадовалась и встала; и, протянув к небесам руки, воскликнула:

– Высоко поднимутся деревья Кементари, чтобы Орлы могли поселиться там!

Но Манвэ тоже встал, и казалось, стоит он на такой высоте, что голос его спускается к Йаванне, как горный ветер в долину.

– Нет, – промолвил он, – лишь деревья Ауле будут достаточно высоки. В горах станут гнездиться Орлы и внимать голосам тех, кто взывает к нам. Но в лесах будут бродить Пастыри Дерев.

Тут Манвэ и Йаванна расстались, и Йаванна вернулась к Ауле; он был в своей кузне и выливал в форму расплавленный металл.

– Эру щедр, – молвила она. – Теперь остерегутся твои дети! Ибо в лесах будет жить сила, чей гнев они пробудят к великой опасности для себя.

– И все же им понадобится дерево, – сказал Ауле и вернулся к горну.

Глава 3

О приходе эльфов и пленении Мелькора

Долгие века жили валары в блаженстве в свете Древ за Горами Амана – Средиземье же лежало в сумерках под мерцанием звезд. Пока горели Светильники, все пошло в рост, но теперь не росло, ибо всюду опять была тьма. Однако древнейшие из живых существ уже пробудились: в морях – гигантские водоросли, на земле – тени огромных деревьев; а в долинах и окутанных мраком холмах таились темные твари – древние и сильные. В те поля и леса не приходил никто из валаров, кроме Йаванны и Оромэ. И Йаванна бродила в сумерках, печалась, потому что весеннее цветение Арды окончилось. И она погрузила в сон многое из того, что проснулось Весной, – дабы создания ее не старились, а ждали пробуждения в грядущие века.

А на севере собирал силы Мелькор – не спал, наблюдал и трудился; и появились лиходейские твари, и темные дремлющие леса наполнились чудовищами и ужасными призраками. А в Утумно он собрал своих демонов – тех духов, что предались ему во дни величия и стали подобны ему в падении; сердца их были из пламени, но обличье – тьма, и ужас несли они с собою; у них были огненные бичи. Позже в Средиземье их звали балрогами. И Мелькор породил во тьме много других чудищ разных форм и видов, что долго тревожили мир; и границы его владений в Средиземье все далее продвигались на юг.

А еще Мелькор выстроил близ северо-западных берегов Моря укрепленную твердыню, чтобы отразить любое нападение из Амана. Командовал той крепостью Саурон, наместник Мелькора; а звалась она Ангбанд.

* * *

Однажды валары держали совет, ибо обеспокоили их вести, принесенные Йаванной и Оромэ из Покинутых Земель; и Йаванна вышла вперед и, обратясь к валарам, молвила так:

– О повелители Арды, Видение Илуватара было кратким и быстро исчезло, так что мы не сумеем точно исчислить в бегущей череде дней Назначенный Час. Однако будьте уверены: Час близится, и в этот век исполнятся наши надежды и Дети пробудятся. Так ужели оставим мы земли, где им жить, бесплодными и полными лиха? Ужели будут они бродить во тьме, когда мы радуемся свету? Ужели будут звать Властелином Мелькора, когда Манвэ восседает на Таникветиль?

И Тулкас вскричал:

– Нет! Давайте скорее начнем войну! Разве не довольно отдохнули мы от борьбы, разве не восстановились наши силы? Неужто один всегда будет противостоять всем?

Но, по велению Манвэ, заговорил Мандос и молвил так:

– Истинно, в этот век придут Дети Илуватара, но они еще не пришли. Более того, суждено, чтобы Первородные пробудились во тьме и первый свой взгляд бросили на звезды. Яркий свет погубит их. К Варде станут зывать они в нужде.

Тогда Варда ушла с совета и, взглянув с высот Таникветиль, узрела тьму Средиземья и бесчисленные звезды над ним – далекие и тусклые. И она начала великий труд, величайшее из всех дел валаров со дня их прихода в Арду. Она взяла серебряную росу Тельперииона и создала из нее новые яркие звезды к приходу Первородных; потому-то Варда, чье древнее прозвание было Тинтáлле, Возжигательница, звалась эльфами Элентари, Королева Звезд. Сотворила она в то время Кáрнил и Лúинил, Нéвар и Лáмбар, Алькаринквэ и Элеммире, и множество других дивных звезд собрала вместе и поместила маяками в небесах Арды: Вильварин, Тéлумендил, Сóронумэ и Анарриму; и Мёнельмакар с его сверкающим поясом поднялся, как предвестник

Последней Битвы, что будет в Конце Дней. А высоко на севере, как вызов Мелькору, зажгла Варда венец из семи ярких звезд – Вáлакирку, Серп валаров, знак рока.

Говорят, что в тот самый час, когда Варда окончила свои труды (а были они долги), когда Менельмакар впервые поднялся в небо и синий пламень Хёллуина вспыхнул в тумане над гра­нью Мира – в тот самый час пробудились Дети Земли, Первородные Илуватара. У озаренного звездами залива Куйвиэнен, Вод Пробуждения, очнулись они ото сна; и пока они – еще в мол­чании – жили у Куйвиэнена, глаза их видели звезды, и звездный свет стал им милее всего, и впоследствии более всех валаров почитали они Варду.

В возмущениях Мира облик земель и морей ломался и восстанавливался; реки не сохра­няли своих русел, а горы рушились: и к Куйвиэнену возврата нет. Но говорят эльфы, что лежал он далеко на северо-востоке Средиземья и был заливом Хёлкара – Внутреннего Моря; а море то образовалось на месте Светильника Иллуин, низвергнутого Мелькором. Многие воды сте­кали туда с восточных возвышенностей, и первыми звуками, которые услышали эльфы, были плеск и журчание бегущих струй.

Долго жили они в первом своем доме под звездами и в удивлении бродили по Земле; и они начали говорить и давать имена всему, что видели. Себя они называли *квёнди* – «те, что говорят», ибо не встречали еще других существ, обладавших даром речи или пения.

И случилось, что Оромэ, охотясь, заехал на восток и у берегов Хелкара свернул к северу, под тень Орокарни – Гор Востока. Тут Нахар внезапно заржал и остановился, а Оромэ в удив­лении сидел молча, и казалось ему, что в тиши подзвездных земель доносится издали песня.

Так валары нашли наконец – как будто случайно – тех, кого столь долго ждали. И Оромэ, взглянув на эльфов, исполнился изумления, словно они были созданиями странными, див­ными и непредвиденными; и так всегда будет с валарами. Ибо из-за грани Мира можно про­зревать нечто в Песни или в Видении, но для пришедших в Эа оно, когда явится в свое время, всегда будет чем-то неожиданным и непредвиденным.

Изначально Старшие Дети Илуватара были сильнее и выше, чем стали теперь; но не более прекрасны, ибо, хотя красота квенди во дни их юности была превыше красоты всего, создан­ного Илуватаром, она не исчезла, но живет на Земле, а печаль и мудрость обогатили ее. Оромэ полюбил квенди и нарек их на их же наречии *эльдарами*, народом звезд; но имя это потом носили лишь те, кто последовал за ним по западному пути.

Однако многие квенди испугались его появления – то было делом рук Мелькора. Впо­следствии Мудрые поняли, что Мелькор, будучи всегда настороже, первым узнал о пробужде­нии квенди и послал призраков и духов зла следить за ними и подстерегать их. И бывало за несколько лет до прихода Оромэ, что, если эльфы поодиночке или в небольшом числе уходили далеко от залива, они пропадали и никогда не возвращались; и квенди со страхом говорили, что это Охотник поймал их. И в самых древних эльфийских песнях, отголоски которых еще звучат на Западе, поется о призрачных тенях, что бродят в холмах вокруг Куйвиэнен и затме­вают звезды; и о черном Всаднике на диком коне, который преследовал ушедших, чтобы схва­тить и пожрать их. Мелькор так ненавидел и боялся Оромэ, что рассылал своих прислужников в его обличье и распускал лживые слухи о нем, чтобы квенди отшатнулись от Оромэ, если им доведется встретиться.

Так и вышло, что, когда Нахар заржал и Оромэ на самом деле появился среди них, некото­рые из квенди спрятались, а другие убежали и потерялись. Но те, кто был мужествен и остался, быстро увидели, что Великий Всадник – не призрак из Тьмы; ибо светом Амана сияло его лицо, и благороднейшие из эльфов потянулись к нему.

А о тех несчастных, кого захватил Мелькор, мало что известно доподлинно. Ибо кто из живущих спускался в подземелья Утумно или проникал во тьму Мелькоровых дум?.. Однако Мудрые в Эрессеа считают неоспоримым, что квенди, попавшие в лапы к Мелькору, вверг­лись в узилище; и там он чарами и жестокостью постепенно извратил и поработил их; так, в

ненависти своей вывел он в насмешку и подражание эльфам мерзкое племя орков, злейших их врагов. Ибо орки живут и множатся, как Дети Илуватара; а Мелькор после своего восстания во время Айнулиндалэ не мог создать ничего живого – или хотя бы подобия живого; так говорят Мудрые. И глубоко в темных сердцах орков живет ненависть к тому, кому они служат из страха, – Господину, создавшему не их самих, но лишь их гнусность. Это, быть может, самое отвратительное из дел Мелькора – и самое противное Илуватару.

Оромэ побыл немного среди квенди – и быстро поскакал назад, через землю и море, в Валинор, и принес весть в Валмар; и поведал он о тенях, что тревожат Куйвиэнен. Тогда валары обрадовались – и все же сомненья тревожили их; и они долго спорили, что предпринять, чтобы оградить квенди от Мелькорова мрака. А Оромэ сразу вернулся в Средиземье и жил среди эльфов.

Манвэ долго сидел в раздумье на Таникветиль и искал совета Илуватара. А потом, спустившись в Валмар, созвал валаров в Кольцо Судьбы; и даже Ульмо явился туда из Внешнего Океана.

Тогда Манвэ сказал валарам:

– Вот совет, что вложил в мое сердце Илуватар: мы должны снова овладеть Ардой, чего бы это ни стоило, и избавить квенди от мрака Мелькора.

Тулкас возрадовался, но Ауле опечалился, провидя раны, которые могут быть нанесены Миру в этой борьбе. А валары приготовились и выступили из Амана на войну – штурмовать крепости Мелькора и уничтожить их. Никогда не забывал Мелькор, что война эта была развязана во имя эльфов и что они стали причиной его поражения. Однако эльфы не принимали участия в тех делах и мало что знали о могучей коннице Запада, завоевавшей Север в начале их дней.

Первое сражение Мелькора с валарами произошло на северо-западе Средиземья, и весь тот край был сильно разрушен. Но первую победу войска Запада одержали быстро, и прислужники Мелькора бежали пред ними в Утумно. Тогда валары перешли Средиземье и выставили стражу вокруг Куйвиэнен; и позже квенди мало что знали о Великой Битве – лишь тряслась и стонала земля у них под ногами, волны захлестывали берег, да полыхали зарницами на севере сполохи гигантских пожаров. Долгой и трудной была осада Утумно, и много сражений, о которых до эльфов дошли лишь слухи, произошло перед ее Воротами. В то время облик Средиземья изменился; и Великое Море, что отделяет его от Амана, расширилось и углубилось; оно взломало берега и образовало глубокий, идущий на юг залив. И много меньших заливов образовалось между Великим Заливом и Хёлкараксэ далеко на севере, где Средиземье и Аман сближаются друг с другом. Самый крупный из этих заливов был Бáлар; в него со вновь поднявшихся северных нагорий – Дортóниона и гор, окружавших Хифлум, – текла могучая река Сíрион. Все земли на дальнем севере пришли в те дни в запустение; ибо там была вырыта Утумно, и в ее подземельях пылал огонь и крылись рати прислужников Мелькора.

Но в конце концов врата Утумно пали, и крыши с подземелий были сорваны, а Мелькор нашел убежище в самой глубокой из ям. Тогда вперед вышел Тулкас, как сильнейший из валаров, и схватился с Мелькором, и, одолев, повергнул его ниц. И Мелькор был пленен и связан цепью Ангайнор, что отковал Ауле; и на долгие века земля обрела покой.

Однако валары не обшарили всех бездн и пещер, хитроумно скрытых под бастионами Ангбанда и Утумно. Много лиходейских тварей затаилось там, а иные были рассеяны, бежали во тьму и скитались в пустошах Мира, дожидаясь более лихих времен; и Саурана валары не нашли.

А когда битва закончилась и над руинами Севера поднялись великие тучи, затмив звезды, валары доставили Мелькора – руки и ноги его были скованы, а глаза завязаны – в Валинор; и он был поставлен в Кольцо Судьбы, и там, лежа ниц у ног Манвэ, молил о прощении. Но мольба его была отвергнута, и он был брошен в темницу Мандоса, откуда не спастись никому

– ни валару, ни эльфу, ни смертному: обширны и крепки чертоги, что построены на Западе Амана. Там Мелькор был обречен жить три долгих века, прежде чем будут судить снова – или позволят вновь молить о прощении.

Потом валары вновь собрались на совет, и спор разделил их. Ибо одни – главой их был Ульмо – стояли за то, чтобы оставить квенди жить в Средиземье по своей воле – дабы владели они той землей и врачевали ее раны. Но бо́льшая часть валаров боялась за квенди в опасностях Мира, среди неверных подзвездных сумерек; и кроме того, они были очарованы красотой эльфов и жаждали их дружбы. А потому в конце концов валары призвали эльфов в Валинор – вечно жить у колен Стихий в свете Древ; и Мандос нарушил молчание, сказав: «Так суждено». От этого решения впоследствии произошли многие горести.

Но эльфы вначале не пожелали внять призыву, ибо до тех пор видели валаров – всех, кроме Оромэ – лишь в гневе, когда те шли на войну; и были исполнены страха. Посему Оромэ вновь послали к ним, и он избрал из квенди послов, которые отправились бы в Валинор и говорили за свои племена: то были Ингвэ, Фйнве и Эльвэ, после ставшие королями. И, придя в Валинор, они исполнились благоговения пред величием и мощью валаров, возжаждали света и красоты Древ. Потом Оромэ доставил их назад, к Куйвиэнэн, и они говорили перед своим народом и советовали внять призыву валаров и переселиться на Запад.

Так произошло первое разделение эльфов. Ибо племя Ингвэ и бо́льшая часть племен Финвэ и Эльве поколебались, слушая рассказ вождей, и пожелали уйти и следовать за Оромэ; и после они были известны как *эльдары* – по имени, что дал им Оромэ на их языке. Но многие отказались идти, предпочтя звездный свет и просторы Средиземья рассказу о Древах; это были *авари*, Отказавшиеся. Так отделились они от эльдаров – и не встречались, покуда не минуло много веков.

Эльдары готовились покинуть свои первые жилища на востоке; они образовали три дружины. Меньшую – и первую из тех, что вышли в путь – вел Ингвэ, величайший владыка эльфов. Он вошел в Валинор и сидит у ног Стихий, и все эльфы чтут его имя; он не возвращался назад и никогда не оглядывался на Средиземье. Его народ – *ва́ншары*, Дивные Эльфы; их более всего любят Манвэ и Варда. Немногие из людей говорили с ними.

За ними шли *нолдоры* – род Финвэ. Это Премудрые Эльфы, друзья Ауле; о них сложено множество песен, ибо в древности они много и тяжело бились в северных землях.

После всех двигалось самое многочисленное племя, звались они *тэлери*, Последние, ибо мешкали в пути, долго не решаясь покинуть сумерки ради света Валинора. Более всего они любили воду, и те из них, что пришли в конце концов к западным берегам, были зачарованы морем. Потому в Амане они стали зваться Морскими Эльфами, *фа́лмари*, ибо играли и пели близ бушующих волн. У тэлери было два вождя – ибо число их велико – Эльвэ Сінголло (что значит Серебристый Плащ) и его брат Ольвэ.

Таковы три рода *эльдалиэ*, пришедшие на Заокраинный Запад во дни Древ и нареченные потому *ка́лаквенди* – Эльфами Света. Были, однако, и другие эльфы, что вышли в путь на запад, но потерялись в дороге, свернули в сторону или остались на берегах Средиземья – большей частью, как говорилось потом, тэлери. Они жили у моря и бродили в лесах и горах, однако сердца их были обращены к Западу. Этих эльфов калаквенди зовут *ума́ншарами*, ибо они никогда не бывали в Амане; но как их, так и авари называют еще *мо́риквенди*, Эльфами Сумерек, ибо те не видели Света, что был до Солнца и Луны.

* * *

Говорят, что, когда племена эльдалиэ уходили от Куйвиэнэн, Оромэ ехал во главе их на своем золотоподкованном коне Нахаре; и, обогнув море Хелкар, они повернули к западу и

увидели, что в небе клубятся, закрывая звезды, черные тучи, а земля разорена войной. Тогда кое-кто испугался и отступил, и повернул назад – и позабыт ныне.

Долог и медленен был поход эльдаров на запад, ибо бессчетны лиги Средиземья и утомительно бездорожье. Да и не хотели эльдары спешить, ибо дивились всему, что видели, и многие земли и реки манили их; и, хотя все по-прежнему желали продолжить путь, многие скорее страшились конца похода, чем надеялись на него. Потому, когда бы ни отлучался Оромэ, отвлеченный по временам другими делами, – они останавливались и не шли дальше, покуда он не возвращался к ним. И вот после долгих лет странствий эльдары миновали некий лес и вышли к великой реке, шире всех, какие они до сих пор видели. А за ней вставали горы, чьи острые пики, казалось, пронзали чертоги звезд. Река эта, говорят, – та самая, что впоследствии звалась Андуин Великий, рубеж западных земель Средиземья. А горы те были хребет Хитáэглир, Оплот Тьмы, на границе Эриáдора; в те дни, однако, он был страшнее и выше – его воздвиг Мелькор, дабы помешать путешествиям Оромэ. Тэлери долго жили на восточном берегу реки и пожелали остаться там, но ваниары и нолдоры перешли реку, и Оромэ повел их к горным перевалам. И когда Оромэ скрылся из глаз, тэлери взглянули на мрачные вершины – и уstraшились.

Тогда восстал один из дружины Ольвэ, что всегда шла позади; звали его Ленвэ. Он отрекся от западного пути и увел некоторых за собой на юг, вниз по реке, – и долгие годы их родичи ничего не знали о них. То были *на́ндоры*; они сделались сторонним народом, не похожим на сородичей – разве что так же любили воду и жили всегда у водоемов и бегущих ручьев. Они знали и любили все живое – зверя и птицу, траву и дерево – более прочих эльфов. В последующие годы Дэнетор, сын Ленвэ, снова повернул к западу и, незадолго до появления Луны, привел часть этого народа через горы в Белерианд.

Наконец ваниары и нолдоры перевалили Эред-Лу́ин – Синие Горы, отделявшие Эриадор от Крайнего Запада Средиземья; те земли эльфы звали Белериандом; и первые отряды перешли Долину Сириона между Дренгистоном и заливом Балар. Но когда они узрели Великое Море, страх объял их, и многие отступили в леса и нагорья Белерианда. Тогда Оромэ оставил их и вернулся в Валинор спросить совета Манвэ.

А дружина тэлери перешла Мглистые Горы и пересекла дебри Эриадора, побуждаемая своим вождем Эльвэ Синголло, ибо он хотел вернуться в Валинор – к Свету, который видел, и не хотел разлучаться с нолдорами, с вождем которых, Финвэ, был в большой дружбе. Так, спустя много лет, тэлери тоже перевалили Эред-Луин и вступили в восточные земли Белерианда. Там они остановились и некоторое время жили за рекой Гэлион.

Глава 4

О Тинголе и Мелиан

Мелиан была майя из народа валаров. Она жила в садах Лориэна, и не было там никого прекраснее, мудрее и искуснее в Заклинательных Песнях, чем Мелиан. Говорят, валары оставляли свои труды, а птицы Валинора – щебет, что колокола Валмара стихали и источники переставали струиться, когда в час смещения света пела Мелиан. Ее повсюду сопровождали соловьи, и она научила их петь; она любила глубокую тень больших деревьев. Еще до создания Мира она была подобна самой Йаванне; и когда квенди пробудились у вод Куйвиэнена, она оставила Валинор и пришла в Покинутые Земли, и безмолвие Предрассветного Средиземья наполнилось ее голосом и пением птиц.

Как уже говорилось, когда поход тэлери близился к концу, они надолго поселились в Белерианде, за рекой Гелион; а многие нолдоры находились тогда в лесах, позже названных Нёлтдореф и Рэгион. Эльвэ, вождь тэлери, часто ходил через лес к селениям нолдоров, навещать своего друга Финвэ; однажды случилось ему проходить одному по роще Нан-Эльмо́т в свете звезд – и вдруг он услышал пение соловьев. Он застыл, очарованный; и далеко, за головами *ло́мелинди*, услышал он голос Мелиан – и сердце его исполнилось изумления и страсти. Забыл он свой народ и все свои замыслы и, войдя под сень деревьев, углубился в Нан-Эльмо́т – и заблудился. Но в конце концов вышел на поляну, открытую звездам; там стояла Мелиан. Он взглянул на нее из тьмы и увидел на ее лице сияние Амана.

Она не сказала ни слова; но Эльвэ, исполняясь любви, приблизился и взял ее за руку – и чары сковали его. Бесчисленные годы стояли они так, не говоря ни слова, и звезды кружились над ними, и деревья Нан-Эльмо́та росли все выше, а тень их делалась все гуще.

Потому-то народ Эльвэ, искавший своего вожда, не нашел его, и Ольвэ принял на себя правление тэлери и, как рассказывали потом, увел их. Эльвэ Синголло до конца своей жизни более не приходил через Море в Валинор, и Мелиан не возвращалась туда, пока он был с нею; но через нее перешла к эльфам и людям частица духа айну́ров – тех, кто прежде Эа был с Илуватаром. В последующие дни Эльвэ стал прославленным вождем; народом его были эльфы Белерианда – *си́ндары*, Сумеречные Эльфы, а сам он звался Владыка Серебристый Плащ, Элу Тингол на языке той земли.

А Мелиан была его Владычицей, более мудрой, чем любое дитя Средиземья; и их тайные чертоги, что звались Мэнегрот, Тысяча Пещер, были в До́риате. Огромное могущество дала Мелиан Тинголу, кто и без того был велик среди эльдаров: ибо из всех синдаров он один видел собственными глазами Древа во дни цветения, и, хотя был владыкой уманиаров, он причислен не к мориквенди, а к Эльфам Света.

И от любви Тингола и Мелиан пришла в мир прекраснейшая из всех Детей Илуватара, что жили на земле или будут когда-нибудь жить.

Глава 5

Эльдамар и принцы эльдалиэ

Пришло время, и дружины ваниаров и нолдоров подошли к самым западным берегам Внешних Земель. В древние времена, после Битвы Сил, берега эти заворачивали на запад, покуда – на самом севере Арды – узкий пролив не отделял их от Амана, где лежал Валинор; но весь тот пролив был, из-за лютых морозов Мелькора, забит вздыбленным льдом. А потому Оромэ не повел дружины эльдалиэ на дальний север, но увлек их в прекрасные земли вокруг реки Сирион, что после были наречены Белериандом; а те берега, с которых взглянули на Море, отделял от Гор Амана широкий, глубокий и темный океан.

И Ульмо, по решению валаров, пришел к берегам Средиземья и заговорил там с эльдами, что ожидали, глядя на темные волны; он играл на своих рогах из раковин, и благодаря речам его и музыке их страх перед Морем обратился в тягу к нему. Тогда Ульмо вырвал с корнем остров, стоявший со времен падения Иллуина посреди моря, вдали от всех берегов; и с помощью своих слуг он сдвинул тот остров, как могучий корабль, и пригнал его в залив Балар, куда стремится свои воды Сирион. Тогда ваниары и нолдоры ступили на остров, и он перевез их через море. Так достигли они побережья у подножия Гор Амана. Они вошли в Валинор и были встречены с радостью. Но восточная коса острова застряла на мелководье близ устья Сириона, отломилась и осталась в заливе; так, говорят, возник остров Балар, куда после часто являлся Оссе.

Но тэleri все еще оставались в Средиземье, ибо жили в восточном Белерианде, вдали от моря, и не слышали призывов Ульмо; и многие искали своего вождя Эльвэ и не хотели уходить без него. Но, узнав, что Ингвэ и Финвэ со своим народом ушли, многие тэleri двинулись к побережью Белерианда и после жили близ устья реки Сирион, тоскуя по ушедшим друзьям; и они избрали своим вождем Ольвэ, брата Эльвэ. Долго оставались они у западных берегов моря, а Оссе и Уинен приходили к ним и подружились с ними; и Оссе наставлял их, сидя на скале у берега, и от него научились они мореходству и песням морей. И вышло так, что тэleri, которые изначально любили воду и были лучшими певцами среди эльфов, возлюбили море, и песни их наполнились отзвуками прибоя.

Минуло много лет – и Ульмо внял мольбам нолдоров и Финвэ, их владыки, что скорбели от долгой разлуки с тэleri и просили его перевезти их в Аман, если они того пожелают. И воистину, многие тэleri желали теперь этого; но велика была печаль Оссе, когда Ульмо вернулся к берегам Белерианда, чтобы унести их в Валинор, ибо его заботой были моря Средиземья и берега Внешних Земель, и он был огорчен, что голоса тэleri не зазвучат более в его владениях. Некоторых он уговорил остаться – то были *фа́лафримы*, Береговые Эльфы, что в последующие дни жили в гаванях Бритомбар и Эгларест, первые мореходы Средиземья. Вождем их был Кирдан Корабел.

Родичи и друзья Эльвэ Синголло тоже остались в Средиземье, по-прежнему разыскивая его, хотя и рады были бы уйти в Валинор, к свету Древ, если б Ульмо и Ольвэ пожелали задержаться. Но Ольвэ стремился уйти; и в конце концов большинство тэleri взошло на остров, и Ульмо повлек их прочь. Так друзья Эльвэ остались одни и назвали себя Эглат – Позабутый Народ. Они жили большей частью в лесах и холмах Белерианда, а не у моря, наполнявшего их скорбью; но тоска по Аману всегда жила в их сердце.

Но когда Эльвэ очнулся от долгого забвения, они с Мелиан вышли из Нан-Эльмота и жили с тех пор в лесах, в сердце этого края. И хотя велико было его желание вновь увидеть блеск Древ, в лице Мелиан ему сиял свет Амана, как в незамутимом зеркале, и свет этот дарил ему покой. Народ его в радости собрался вокруг него и дивился; ибо, хотя Эльвэ и прежде был

прекрасен и благороден, ныне походил он на владыку майаров – ростом выше, чем прочие Дети Илуватара, с глазами как лунное серебро; и высокая судьба ожидала его.

* * *

А Оссе последовал за дружиной Ольвэ и, когда они входили в залив Эльдамар (что значит Дом Эльфов), воззвал к ним; и они узнали его голос и взмолились к Ульмо, прося прекратить плавание. И Ульмо внял их просьбе, и по его велению Оссе остановил остров и укоренил его в основании моря. Ульмо сделал это тем охотней, что он понимал души тэлери и на Совете валаров был против призвания квенди, считая, что им лучше оставаться в Средиземье.

Мало радости было валарам в том, что он сделал; и Финвэ опечалился, когда тэлери не пришли, а пуще – когда узнал, что Эльвэ покинут и никогда им не увидеться, кроме как в чертогах Мандоса. Но остров не двигался более и стоял одиноко в заливе Эльдамарском; и был он назван Тол-Эрессеа, Одинокый Остров. Там тэлери жили как им желалось – под звездами небес и все же близ Амана и бессмертного берега. Этим долгим житьем врозь объясняется отличие языка обитателей Одинокого Острова от языка ваниаров и нолдоров.

Им валары дали земли и место, чтобы жить. Даже среди сияющих цветов в древосветных садах Валинора жаждали они видеть порой звезды; а потому в гигантской стене Пелоров был сделан проход, и там, в глубокой долине, что сбегала к морю, эльдары подняли высокий холм: звался он Түна. С запада на него падал свет Дерев, и тень его лежала на востоке; и на восток смотрел он – на Эльдамарский залив, и Одинокый Остров, и Тенистые Моря. Тогда сквозь Калакирию, Ущелье Света, вырвался свет Благословенного Края, расцвечивая темные волны серебром и золотом, и коснулся Одинокого Острова, и его западный берег стал прекрасен и зелен, и распустились там цветы – первые, что расцвели восточнее Гор Амана.

На вершине Туны поднялись белые стены и террасы Тiриона – города эльфов; и высочайшей из башен того города был Маяк Ингвэ, Миндон Эльдiлиэва, чей серебряный фонарь виден далеко в туманах моря. Мало кому из смертных довелось узреть его тонкий луч. Ваниары и нолдоры долго жили вместе в Тирионе. А так как из всех творений в Валиноре более всего любили они Белое Дерево, Йаванна сотворила для них дерево, подобное Тельпериону; только оно не светилося собственным светом. Галатiлион звалось оно на языке синдаров. Это дерево посадили в саду у подножия Миндона, и там оно цвело, и от него пошло множество подобных деревьев в Эльдамаре. Одно из них высадили потом в Тол-Эрессеа и нарекли Кéлебормом; от него со временем произошел, как рассказано в другом месте, Нiмлот, Белое Дерево Нүменора.

Манвэ и Варда более всего любили ваниаров, Дивных Эльфов; а нолдоры были милы Ауле, и он со своим народом часто приходил к ним; и знания и искусność нолдоров стали поистине велики – но тем больше была их жажда знания, и во многом они вскоре превзошли учителей. Язык их был изменчив, ибо они любили слова и всегда стремились найти наиболее подходящие названия всему, что знали или задумывали. Случилось так, что каменщики дома Финвэ, добывая в горах камень (ибо более всего любили строить высокие башни), впервые нашли самоцветы – и добыли их бесчисленное множество; и они изобрели инструменты, чтобы обрабатывать их, придавая неповторимые формы. Они не копили камни, но щедро дарили, и трудами их богател Валинор.

Нолдоры впоследствии вернулись в Средиземье, и в повести этой говорится большей частью об их делах; посему здесь надо сказать об именах и родстве принцев нолдоров – в той форме, в которой эти имена произносились эльфами Белерианда.

Финвэ был королем нолдоров. Сыновьями Финвэ были Феанóр, Фiнголфин и Фина́рфин; но матерью Феанора была Мiриэль Сэринде, тогда как матерью Финголфина и Финарфина – Индис из ваниаров.

Феанор был искуснейшим из братьев в речах и мастерстве: дух его пылал огнем. Финголфин был сильнейшим, самым стойким и доблестным; Финарфин – самым прекрасным и мудрым; впоследствии он сдружился с сыновьями Ольвэ, вождя тэлери, и взял в жены Э́рвен, деву-лебедь из Альквалондэ, дочь Ольвэ.

У Феанора было семеро сыновей: Ма́эдрас Высокий, Ма́глор Песнопевец, чей голос разносился далеко над морем и сушей; Кéлегорм Прекрасный и Ка́рантир Темный; Ку́руфин Искусник, унаследовавший мастерство отца в рукотворном ремесле; и младшие – Амрод и Амрас, близнецы, схожие лицом и духом. Позже, в Средиземье, они стали великими охотниками; охотником был и Келегорм, в Валиноре друживший с Оромэ и часто следовавший за пением его рога.

Сыновьями Финголфина были Фíнгон, впоследствии верховный король нолдоров на севере мира, и Ту́ргон, владыка Гóндолина; их сестрой была Аредэль Светлая. Она была младше братьев и, когда достигла полного расцвета, стала прекрасна, высока и сильна и любила верховую езду и охоту в лесах. Там она часто бывала с сыновьями Феанора, своей родней; но сердце ее не принадлежало никому. Ар-Фейниэлью звалась она, Белой Девой Нолдоров, ибо была бледна, хоть и с темными волосами, и одевалась всегда в белое с серебром.

Сыновьями Финарфина были Фíнрод Верный (позже прозванный Фéлагундом, Владыкой Пещер), Ородрет, Ангрод и Аэгнор; эти четверо так крепко дружили с сыновьями Финголфина, словно те были их родными братьями. Сестра их, Гала́дриэль, считалась прекраснейшей из всего рода Финвэ; волосы ее сияли золотом, будто впитали свет Лаурелин.

* * *

Здесь должно рассказать, что тэлери пришли наконец в Аман. Долгие века жили они на Тол-Эрессеа: но постепенно души их стали тянуться к свету, что струился через море к Одиному Острову. Они разрывались между любовью к музыке волн и желанием вновь увидеть своих родичей и узреть величие Валинора; и в конце концов жажда света победила. Потому Ульмо, покорный воле валаров, послал к ним Оссе, их друга, и тот, хоть и скорбя, обучил их искусству кораблестроения; и когда корабли были построены, Оссе принес им, как прощальный дар, множество крепкокрылых лебедей. Те лебеди повлекли белые корабли тэлери через спокойное море – и так, последними, пришли они в Аман, к берегам Эльдамара.

Там и жили они и, если хотели, могли любоваться светом Древ, гулять по золотым мостовым Валмара или всходить по хрустальной лестнице Тириона на зеленую Туну; но чаще всего они бороздили на своих быстрых судах воды Залива или бродили по берегу в пенных волнах, и волосы их искрились в свете, льющемся из-за гор. Нолдоры дали им много камней – опалов, алмазов и бледного хрусталя, и они усыпали ими берег и дно озер; дивным было побережье Эленде в те дни. И много жемчуга добыли они себе из моря, и из жемчуга были их чертоги и дворец Ольвэ в Альквалондэ, Лебяжьей Гавани, озаренной множеством светильников. Ибо то был город тэлери и гавань для их судов; а суда тэлери строили по образу лебедей, с золотыми клювами и глазами из черного янтаря. Вратами той гавани служила арка, промытая морем в живом утесе; лежала она на границе Эльдамара, к северу от Калакирии, где свет звезд был ярок и чист.

* * *

Шли века – и любовь ваниаров к земле валаров и свету Древ росла. Они ушли из Тириона на Туне и обитали с тех пор на горе Манвэ или на равнинах и в лесах Валинора, отделившись от нолдоров. В душах нолдоров жила память о звездах Средиземья, и они жили в Калакирии и в горах и долинах, куда достигал шум западного моря; и хотя многие из них бродили по землям

валаров, совершая дальние походы, постигая тайны земли, вод и всего живого, — именно в те дни сблизились народы Туны и Альквалондэ. Королем в Тирионе был Финвэ, а в Альквалондэ — Ольвэ; но владыкой всех эльфов от веку считался Ингвэ. Впоследствии он жил на Таникветиль, у ног Манвэ.

Феанор и его сыновья редко жили подолгу в одном месте, но бродили по Валинору, подходя даже к границам Мрака и холодным берегам Внешнего Моря в поисках непознанного. Часто гостили они в чертогах Ауле; но Келегорм охотнее заходил в дом Оромэ, где стал великим знатоком зверей и птиц и всех их наречий. Ибо все живые создания, что есть или были в Арде, кроме только лиходейских тварей Мелькора, жили тогда в Амане; и было там много прочих существ, невиданных в Средиземье — и которых теперь уж не будет в нем, ибо Мир изменился.

Глава 6

О Феаноре и освобождении Мелькора

И вот три рода эльдаров собрались наконец в Валиноре, а Мелькор был скован. Наступил полдень Благословенного Края во всей полноте его величия и блаженства, долгий в Повести Лет, но слишком краткий в воспоминаниях. В те дни эльдары достигли полного расцвета тела и духа, и нолдоры преуспевали во всех ремеслах и знаниях; и долгие годы были заполнены их радостным трудом. Именно тогда впервые задумались они о письменах, и вскоре Румиль из Тириона изобрел знаки, годные для запечатления речей и песен: одни – для изображения на камне или металле, другие – для письма пером или кистью.

В это время в Эльдамаре, в доме короля Тириона на вершине Туны, родился старший и самый любимый сын Финвэ. Нарекли его Куруфинвэ, но мать назвала его Феанор – Пламенный Дух; и под этим именем вошел он в сказания нолдоров.

Имя его матери было Мириэль, а прозвали ее Сериндэ, ибо никто из нолдоров не умел ткать и шить чудесней; руки ее были искусны в самой изящной и мелкой работе. Великой и радостной была любовь Мириэль и Финвэ, ибо зародилась в Благословенном Краю и в Благие Дни. Но рождение сына истощило тело и дух Мириэль; и после его рождения она возжаждала освобождения от бремени жизни. И, дав имя сыну, сказала Финвэ: «Никогда более мне не понести дитя; ибо впитал Феанор силу, которая могла бы вскормить многих». Финвэ опечалился, ибо нолдоры были еще юны и он хотел породить много детей в блаженстве Амана; и сказал он: «Неужели нет исцеления в Амане? Здесь любой усталый найдет отдохновение». Но Мириэль чахла день ото дня, и Финвэ испросил совета у Манвэ, и Манвэ поручил ее заботам Ирмо в Лориэне. Расставаясь с ней (ненадолго, как он надеялся), Финвэ печалился, ибо несчастьем казалось ему, что мать расстанется с сыном и не увидит его детства.

– Это воистину несчастье, – молвила Мириэль, – и я плакала бы, не будь я столь истомлена. Но не вини меня в том – как и во всем, что может случиться после.

Она удалилась в сады Лориэна и легла там; и, хотя казалась спящей, дух ее покинул тело и в безмолвии отошел в чертоги Мандоса. Девы Эсте ухаживали за телом Мириэль, и оно оставалось нетленным; но она не ожила. С тех пор Финвэ жил в скорби; и часто приходил он в сады Лориэна и, сидя под серебристыми ивами у тела жены, взывал к ней. Но она не пробуждалась; и, единственный во всем Благословенном Краю, он был лишен радости. И спустя годы он перестал ходить в Лориэн.

Всю свою любовь отдал он сыну; а Феанор рос быстро, словно тайный огонь пылал в нем. Был он высок, прекрасен лицом и властен; в достижении своих целей – нетерпелив и тверд; взгляд пронзительно ясен, волосы – чернее воронова крыла. Немногим удавалось изменить его решения советом, и никому – силой. Из всех нолдоров – и до, и после него – он был самым хитроумным и искусным. В юности, улучшив труд Румиля, он изобрел письмена, названные его именем, – ими после того всегда пользовались эльдары; именно он, первым из нолдоров, открыл, как делать рукотворные самоцветы, крупнее и краше камней земли. Первые камни, сделанные Феанором, были бесцветны, но, попадая в лучи звезд, искрились голубым и серебристым пламенем, ярче огня Хеллуина; и другие кристаллы создал он – в них ясно виднелись далекие вещи, будто орлы Манвэ сверху рассматривают их. Редко отдыхали разум и руки Феанора.

В ранней юности он женился на Нёрданэли, дочери великого кузнеца Махтана, из всех кузнецов нолдоров более всего любимого Ауле; и многому научился Феанор у Махтана в сотворении вещей из металла и камня. Воля у Нерданэли тоже была тверда, но она обладала бóльшим терпением и желала понимать сердца, но не покорять их; и сперва она сдерживала Феанора, когда пламень его духа разгорался слишком жарко, но его дальнейшие дела опеча-

лили ее, и они отдалились друг от друга. Семерых сыновей родила она Феанору. Кое-кто из них унаследовал ее нрав, но не все.

Случилось так, что Финвэ взял себе вторую жену – Индис Ясную. Она была ваниа, близкая родственница Ингвэ Владычному, золотоволосая и статная, ни в чем не схожая с Мириэль. Финвэ очень любил ее и снова стал радостен. Но тень Мириэль не покинула ни дома Финвэ, ни его сердца; и более всех любил он Феанора.

Женитьба отца не обрадовала Феанора; и мало любви питал он к Индис и к Финголфину и Финарфину, ее сыновьям. Он жил отдельно от них, исследуя земли Амана или занимаясь науками и ремеслами. В тех несчастьях, которые произошли после, многие усматривали плоды разлада в доме Финвэ, считая, что, если б Финвэ смирился с утратой и удовольствовался рождением одного могучего сына, путь Феанора стал бы иным и великое лихо было бы отведено; ибо скорбь и уособица в доме Финвэ запечатлены в памяти эльфов-нолдоров. Но дети Индис и их потомки были велики и славны, и не будь их, история эльдаров потускнела бы.

В то самое время, когда Феанор и другие мастера нолдоров работали в свое удовольствие, не видя конца трудам, а сыновья Индис росли и мужали, Полдень Валинора близился к концу. Ибо, по решению Манвэ, Мелькор триста лет был заключен в темнице Мандоса. Наконец, как и обещал Манвэ, он был вновь приведен пред троны валаров. Тогда взглянул Мелькор на их величие и благодать, и зависть охватила его сердце; и взглянул он на Детей Илуватара, что сидели у ног Стихий, и исполнился ненависти; и взглянул он на блеск и богатство алмазов – и возжелал их; но скрыл свои помыслы и отложил месть.

Перед Вратами Валмара Мелькор простерся у ног Манвэ и молил о прощении, обещая всюду, где только сможет, помогать трудам валаров – даже если он будет последним в Валиноре. Более же всего станет он трудиться над исцелением ран, что некогда нанес Миру. И Ниэнна вторила его мольбам, но Мандос молчал.

Манвэ даровал Мелькору прощение; но валары не желали, чтобы он до срока ушел из-под их присмотра, и повелели ему жить в стенах Валмара. Но прекрасны казались в те дни все дела Мелькора, и валарам, и эльдарам помогал он трудом и советом, когда бы ни обратились к нему за помощью; а потому с течением времени ему дозволили вольно бродить по краю, и мнилось Манвэ, что Мелькор излечился от зла. Ибо сам Манвэ был свободен от зла и не мог распознать его; да и помнил он, что изначально, в думах Илуватара, Мелькор был подобен ему; он не прозревал всех глубин Мелькорова сердца и не знал, что любовь навеки оставила его. Но Ульмо не был обманут, и Тулкас сжимал кулаки каждый раз, как Мелькор проходил мимо, – ибо Тулкас медленно гневается, но забывает еще медленней. Но они подчинились суду Манвэ; те, кто защищает Право от бунтовщика, не должны бунтовать.

Надо сказать, что в душе своей Мелькор более всего ненавидел эльдаров, потому что они были прекрасны и радостны, а еще потому, что в них он видел причину вознесения валаров – и собственного низвержения. Тем больше любви выказывал он им, искал их дружбы и сулил им помощь как знаниями, так и делом – какой бы великий труд они ни замыслили. Ваниары никогда не доверяли ему, ибо жили в свете Древ и были блаженны; на тэлери он сам не обращал внимания, считая их слишком слабыми для исполнения его замыслов. Но нолдоры с радостью приняли тайное знание, которое он явил им; и кое-кто внимал речам, которых лучше бы никогда не слышать. Мелькор объявлял потом, что и Феанор многому тайно учился у него и что он наставлял его в величайшем из трудов; но он лгал в вожделении и злобе, ибо никто из эльдалиэ не ненавидел Мелькора больше, чем Феанор, сын Финвэ, первый, кто назвал его Морготом; и хотя запутался он в тенетах Мелькоровой ненависти к валарам – никогда Феанор не беседовал с ним и не слушал его советов. Ибо Феанора влекло лишь пламя его собственной души, он был быстр в деяниях и решал все сам, и не искал ни совета, ни помощи ни у кого в Амане – ни у великих, ни у малых, разве что – и то недолго – у Нерданэли Мудрой, своей жены.

Глава 7

О Сильмарилах и непокое нолдоров

В те времена были созданы самые знаменитые из творений эльфов. Ибо к Феанору, достигшему высот мастерства, пришел новый замысел – или, быть может, призрак близкого рока посетил его; и задумался он, как сохранить нетленным свет Дерев – славу Благословенного Края. Тогда начал он долгий и тайный труд, собрал все свои знания, мастерство и искусность рук – и сотворил Сильмарилы.

По виду были они подобны огромным алмазам. Но до тех пор, покуда не вернется Феанор, что погиб до создания Солнца и томится теперь в Чертогах Ожидания, а не живет среди своих родичей; покуда не померкнет Солнце и Луна не сойдет с небосвода, – никто не узнает, из чего они сотворены. Их вещество подобно алмазным кристаллам, но много крепче, так что никакой силе в Арде не замутить и не уничтожить его. Но кристаллы Сильмариллов были для них лишь тем, чем является тело для Детей Илуватара: пристанищем внутреннего пламени, сокрытого в них и по ним разлитого, – этот пламень и есть жизнь. Внутренним огнем Сильмариллов Феанор сделал благой свет Дерев, что все еще живет в них, хоть сами Древа давно исчахли и не сияют более. Потому даже во тьме глубочайшей сокровищницы Сильмарилы сверкают сами, подобно звездам Варды. Но так как они поистине живые существа, они любят свет, вбирают его – и возвращают лучами еще более прекрасными.

Все, кто жил в Амане, дивились творению Феанора и восторгались им. И Варда благословила Сильмарилы, так что после никогда ни смертная плоть, ни нечистые руки, ни лихо не могли, коснувшись их, не обжечься и не иссохнуть; а Мандос предрек, что судьбы Арды – суши, моря и воздуха – заключены в них. Сердце Феанора крепко привязалось к этим творениям его рук.

Тогда Мелькор возжелал Сильмариллов – одно лишь воспоминание об их сиянии палило огнем его сердце. С этого времени, подстегиваемый вожделем, все более нетерпеливо искал он способа уничтожить Феанора и навек посорить валаров и эльфов; но он искусно прятал свои мысли и скрывал злобу. Долго трудился он, и медлен и бесплоден был поначалу тот труд. Но тот, кто сеет ложь, в конце соберет богатый урожай и сможет отдохнуть от трудов – другие будут сеять и жать за него. И Мелькор всегда находил уши, что внимали ему, и языки, что повторяли услышанное и добавляли к нему: ложь его переходила от одного к другому, как тайна, и те, кто владел ею, мнили себя мудрецами. Жестоко заплатились нолдоры в грядущие дни за глупость и доверчивость.

Когда Мелькор увидал, что многие потянулись к нему, он стал часто появляться среди них, и в его благостные речи вплетались иные – столь искусно, что многие, кто слышал их, могли бы поклясться, что то были их собственные думы. Он пробуждал в душах нолдоров видения огромных владений на востоке, где они могли бы править по собственной воле, сильные и свободные. И поползли слухи, что валары привели эльдаров в Аман из зависти, боясь, что красота квенди и искусность, данная им Илуватаром, станут слишком велики, и, если эльфы умножатся и расселятся в просторах Арды, они перестанут подчиняться валарам.

Кроме того, хотя в те дни валарам было известно о грядущем приходе людей, эльфы о нем ничего не знали, ибо Манвэ не открыл им этого. Мелькор же, видя, как молчание Манвэ можно обратить во зло, тайно поведал эльфам о Смертных. Однако он и сам мало знал о людях, ибо, захваченный собственным напевом Песни, не вслушался в Третью Тему Илуватара; но теперь среди эльфов прошел слух, что Манвэ держит их в плену, дабы люди могли прийти и занять их место в Средиземье; ибо валары поняли, что сумеют легче покорить этот короткоживущий и более слабый народ, обманом лишив эльфов наследства Илуватара. Не было в

этом правды, и никогда валары не желали повелевать людьми; но многие эльфы поверили – или почти поверили – лиходейским словам.

Так, прежде чем валары узнали о том, спокойствие Валинора было отравлено. Нолдоры возроптали, и многие исполнились гордыни, позабыв о том, сколько умений и знаний получили они в дар от валаров. Ярче же всего вспыхнула жажда свободы и новых владений в страстной душе Феанора; и Мелькор втайне смеялся, ибо именно к этому была направлена его ложь, потому что он ненавидел Феанора и вождедел Сильмариллов. Но их ему было не достать; ибо, хотя Феанор и носил камни на празднествах, и они сияли у него на челе, в другое время они хранились под стражей, заперты в глубоких подвалах сокровищницы Тириона. Ибо Феанор любил Сильмариллы ревливой любовью и не показывал их свет никому, кроме отца и своих семерых сыновей; редко вспоминал он теперь, что свет, сияющий в них, ему не принадлежит.

Высокими владыками были Феанор и Финголфин, старшие сыновья Финвэ, и все почитали их в Амане; но теперь они исполнились гордыни и завидовали правам и достоянию друг друга. Тут Мелькор пустил в ход новую ложь; и до Феанора дошли слухи, что Финголфин и его сыновья замыслили свергнуть Финвэ и обманом лишить власти Феанора с сыновьями, и с дозволения валаров занять их место; ибо не по нраву валарам, что Сильмариллы заперты в Тирионе, а не отданы им во владение. А Финголфину и Финарфину было сказано: «Остерегайтесь! Не питает любви гордый сын Мириэль к сыновьям Индис. Сейчас он возвысился и держит отца в своих руках. Недолго осталось ждать, покуда он изгонит вас с Туны!»

Когда Мелькор узрел, что пламя его лжи разгорается и гнев с гордостью проснувшись в нолдорах, он завел с ними речь об оружии; и нолдоры принялись ковать мечи, топоры и копья. Делали они и щиты, изображая на них гербы многих семей и родов, что соперничали друг с другом. Ими они хвалились, а об ином оружии молчали, ибо каждый считал, что лишь он один был предупрежден. И Феанор выстроил тайно кузню, о которой не знал даже Мелькор, и закалил там острые мечи для себя и своих сыновей, и отковал высокие шлемы с алыми гребнями. Горько раскаялся Махтан в том дне, когда открыл мужу Нерданэли секреты работы с металлом, перенятые у Ауле.

Так ложью, слухами и вероломными советами Мелькор склонил нолдоров к распрям; и от их ссор пришел в конце концов закат благих дней Валинора, и иссяк его древний блеск. Ибо Феанор теперь открыто подбивал на мятеж против валаров, объявляя, что покинет Валинор и избавит нолдоров от рабства – тех, кто пойдет с ним.

Великое смятение началось в Тирионе, и Финвэ встревожился и созвал приближенных на Совет. А Финголфин поспешил во дворец и, встав перед троном, сказал:

– Король и отец мой, ужели не усмиришь ты гордыню нашего брата Куруфинвэ, называемого – и не напрасно – Пламенным Духом? По какому праву говорит он за весь наш народ, будто он – король? Ты, а не кто другой, говорил некогда с квенди, советуя им внять призыву валаров и идти в Аман. Ты вел нолдоров трудным и долгим путем через опасности Средиземья к свету Эльдамара. Если сейчас ты не раскаиваешься в своих речах – по крайней мере два твоих сына будут чтить их.

В тот самый миг, когда Финголфин произнес эти слова, в залу шагнул Феанор – в полном вооружении: на голове высокий шлем, у пояса долгий меч.

– Так я и знал, – сказал он. – Мой единокровный братец опередил меня – как в этом деле, так и в других, – потом, повернувшись к Финголфину, он обнажил меч и крикнул: – Убирайся и займи место, положенное тебе!

Финголфин поклонился отцу и, не сказав ни слова Феанору, даже не взглянув на него, вышел из залы. Но Феанор последовал за ним и у дверей королевского дворца остановил его; приставив острие сияющего меча к груди Финголфина, он молвил:

– Смотри, братец! Этот клинок острее твоего языка. Хоть раз еще попробуй занять мое место в помыслах и любви отца – и, быть может, мой меч избавит нолдоров от того, кто жаждет стать господином рабов.

Слова эти слышали многие, ибо дом Финвэ был на большой площади у подножия Миндона; но Финголфин снова ничего не ответил и, молча пройдя через толпу, пошел искать своего брата Финарфина.

Непокой нолдоров не был тайной для валаров, но семья его скрывалось во тьме; а потому, так как Феанор первым возроптал против них, они рассудили, что, хотя гордыня обуяла всех нолдоров, зачинщиком всего был он, движимый своеволием и надменностью. И Манвэ скорбел, но взира́л молча. Эльдары по своей воле пришли в земли валаров и вольны были остаться или уйти; и пусть валары считали уход неразумием – помешать ему они не могли. Но сейчас на дела Феанора нельзя было взи́рать безучастно; и валары огорчились и разгневались. Феанора призвали предстать у Врат Валмара и ответить за свои слова и дела. Были призваны также все те, кто хоть как-то связан с его делами или знал хоть что-нибудь; и Феанору, стоявшему перед Мандосом в Кольце Судьбы, велено было отвечать на вопросы. Тогда наконец обнажился корень смуты и злобное хитроумие Мелькора стало явным; и Тулкас тут же покинул Совет, чтобы наложить на врага руки и вновь привести на суд. Но и Феанор был признан виновным, ибо это он нарушил мир Валинора и поднял меч на родича; и Мандос сказал ему:

– Ты говорил о рабстве. Если б то было рабство, ты не смог бы избегнуть его, ибо Манвэ – владыка всей Арды, не одного Амана. А твои дела незаконны, в Амане свершились они или нет. И посему приговор таков: на двенадцать лет должен ты оставить Тирион, где грозил брату. За это время посоветуйся с собой и вспомни, кто ты и что ты. А после этих лет деянье твое должно быть забыто и не помянуто более – если другие простят тебя.

– Я прощу моего брата, – молвил тогда Финголфин. Но Феанор не ответил и молча стоял перед валарами. Потом повернулся, покинул Совет и ушел из Валмара.

С ним в изгнание отправились его семь сыновей, и возвели они на севере Валинора, в горах, твердыню и сокровищницу; и там, в Фórменосе, грудями лежали оружие и драгоценные камни, Сильмари́лы же были заперты в железной палате. Туда из любви к сыну пришел также король Финвэ; а Финголфин в Тирионе правил нолдорами. Так ложь Мелькора, казалось, обернулась правдой, хотя произошло это из-за деяний Феанора; и рознь, что посеял Мелькор, осталась и долго жила после меж сыновей Финголфина и Феанора.

Мелькор, узнав, что его замыслы раскрыты, укрылся в горах и облаком переплывал с места на место; и Тулкас напрасно искал его. И народу Валинора казалось, что свет Дерев померк, а все тени удлиннились и почернели.

Говорят, что долгое время Мелькора не видели в Валиноре и ничего не слыхали о нем, пока он нежданно не явился в Фórменос и не вызвал Феанора к Воротам для беседы. Хитроумно доказывал он свою притворную дружбу, убеждая его вернуться к мысли о бегстве из тенет валаров.

– Ты видишь, как я был прав, – говорил он, – и как ты несправедливо наказан. Но если душа Феанора по-прежнему свободна и отважна, как его речи в Тирионе, – я помогу ему и унесу далеко от тесной этой земли. Разве сам я не валар? валар, и бо́льший, чем гордо восседающие в Валиноре; и я всегда был другом нолдоров – самого искусного и доблестного народа Арды.

Сердце Феанора было ожесточено унижением перед Мандосом, и он молча смотрел на Мелькора, размышляя, можно ли доверять ему настолько, чтобы принять его помощь и бежать. Мелькор же, видя, что Феанор колеблется, и зная, что душа его в рабстве у Сильмари́лов, закончил так:

– Твердыня твоя крепка и хорошо охраняется, но не надейся, что о владениях валаров какая-нибудь сокровищница спасет Сильмари́лы!

Но его хитроумие на сей раз обернулось против него же; слова его коснулись самого сокровенного и пробудили пламя более жаркое, чем он рассчитывал; и взгляд Феанора пронизал притворство Мелькора, проник под покровы его дум и узрел его неумную жажду обладания Сильмарилами. Тут ненависть превзошла страх Феанора, он проклял Мелькора и прогнал его прочь, крича:

– Убирайся от моих врат, ты, тюремная крыса Мандоса! – и с этими словами захлопнул Ворота перед самым могучим из живущих в Эа.

И Мелькор ушел с позором, ибо опасность грозила ему и он знал, что не пришло еще время мстить; но сердце его почернело от гнева. А Финвэ исполнился великого страха и спешно послал гонцов в Валмар.

Валары сидели в Кольце Совета у своих врат, страшась удлинившихся теней, когда прибыли гонцы из Форменоса. Оромэ и Тулкас вскочили – но едва они собрались в погоню, как из Эльдамара примчались вестники: Мелькор пронесся через Калакирию, и эльфы видели с Туны, как он мчался, разгневанный, подобный грозовой туче. А оттуда, сказали они, он повернул к северу, ибо тэлери в Альквалондэ видели его тень, что накрыла их гавань и унеслась к Араману.

Так Мелькор ушел из Валинора, и Два Древа долго сияли незамутненно, и земли наполнились светом. Но напрасно ждали валары вестей о враге; и тучей, отдаленной, но неумолимо растущей, гонимой все ближе неспешным северным ветром, наплывало на живших в Амане сомнение – и радость увядала, и страх неведомого, но близкого лиха вползал в сердце.

Глава 8

О Затмении Валинора

Когда Манвэ услышал, куда направился Мелькор, показалось ему несомненным, что тот замыслил укрыться в старых своих твердых на севере Средиземья; и Оромэ с Тулласом поспешили на север, чтобы, если удастся, перехватить его – но не нашли ни следа, ни слуха о нем за берегами тэлери, в незаселенных пустошах у границ Льдов. Потому стража на северных рубежах Амана была удвоена, – но напрасно, ибо еще до начала погони Мелькор повернул назад и тайно перенесся далеко на юг. Он все еще был одним из валаров и мог изменять облик или ходить без покровов, как его братья; хотя близилось время, когда он лишится этой возможности навсегда.

Так, невидимым, пришел он наконец в мглистый Аватар. Край этот узкой полосой протянулся к югу от Эльдамарского залива, у подножия восточных Пелоров, и его долгий сумрачный берег был неизведан. Между отвесными горными стенами и черным холодным морем залегли самые глубокие и непроглядные тени в мире; и там, в Аватаре, в тайне и неизвестности жила в своем логове Унголианта. Эльдары не знают, откуда она взялась, но кое-кто говорит, что бесчисленными веками раньше, когда Мелькор впервые с завистью взглянул на Владения Манвэ, ее породила тьма, окружающая Арду, и она была одной из тех, кого Мелькор растлил и привлек к себе на службу. Но она отреклась от своего Господина, ибо желала быть хозяйкой своих вожделений, поглощая все, дабы насытить свою пустоту; и бежала на юг, спасаясь от валаров и охотников Оромэ, потому что их бдительность была направлена к северу, а на юг они долгое время не обращали внимания. Оттуда она подбиралась к свету Благословенного Края, ибо жаждала света и ненавидела его.

Она жила в глубоком ущелье, приняв облик чудовищного паука, и плела в расщелинах черную паутину. В нее ловила она весь свет, какой могла, – и вплетала в темные сети удушающей мглы, покуда свет не перестал проникать в ее логово; и она голодала.

Мелькор пришел в Аватар и нашел Унголианту; и вновь принял образ, что носил тираном в Утумно, – обличье Владыки Тьмы, высокого и ужасного. В этом обличье он и остался навек. Там, в черных тенях, коих не прозревал даже Манвэ со своего высокого трона, Мелькор с Унголиантой измыслили месть. Поняв замысел Мелькора, Унголианта разрывалась между вожделением и великим страхом, ибо не желала она испытывать мощь владык и оставлять свое укрыище ради опасностей Амана. А потому Мелькор сказал ей: «Делай, как я велю. И если, когда все исполнится, голод твой не уймется, я дам тебе полной горстью все, чего пожелает твое вожделение».

Он поклялся легко, как клялся всегда; и смеялся в глубине души. Так старый вор соблазняет новичка. Перед выступлением Унголианта окутала себя и Мелькора покровом тьмы: Бессветием, которого не прозреть ничьим глазам, ибо оно – пустота. Потом медленно стала плести сети – вервие за вервием, с обрыва на обрыв, со скалы на утес, все выше и выше – покуда не добралась наконец до вершины Хиарментира, высочайшего пика в той области Мира, далеко на юге от великой Таникветиль. За тем краем валары не следили; западнее Пелоров земли были пусты и сумрачны, а восточнее гор, кроме позабытого Аватара, лежало лишь безбрежное море.

Но сейчас на вершине горы залегла Унголианта; она сотворила лестницу из сплетенного вервия и сбросила вниз – и Мелькор поднялся и встал рядом с ней на вершине, глядя на Хранимый Край. Под ними лежали леса Оромэ, а западнее золотилась высокая пшеница полей Йаванны и мерцали травы ее пастбищ. Но Мелькор взглянул на север – и увидел вдали сияющую равнину, где серебряные крыши Валмара блистали в смещенье лучей Тельперииона и Лаурелин. Тут Мелькор громко захохотал и помчался вниз по долгим западным склонам, и Унголианта неслась рядом, тьмою своей прикрывая их обоих.

А надо сказать, что то было время праздника, и Мелькор знал это. Хотя все времена года во власти валаров и в Валиноре нет ни зимы, ни смерти, жили они, тем не менее, в Арде, а это лишь малая песчинка в Чертогах Эа, чья жизнь – Время, текущее неостановимо от первой ноты до последнего хора Эру. И поскольку валары любили тогда облачаться, как в платье, в обличье Детей Эру – так сказано в Айнулиндалэ, – равно они ели и пили, и собирали плоды Йаванны, выросшие на Земле, сотворенной по воле Эру.

Потому Йаванна установила время цветения и созревания всего, что росло в Валиноре; и каждый раз в начале сбора плодов Манвэ устраивал великое празднество во славу Эру, когда все народы Валинора пели и веселились на Таникветиль. Теперь был тот самый час, и Манвэ объявил праздник более пышный, чем все бывшие со времени прихода эльдаров в Аман. Ибо, хотя бегство Мелькора предвещало грядущие труды и печали и воистину никто не мог сказать, какие еще раны могут быть нанесены Арде, прежде чем Врага одолеют снова, – в то время Манвэ решил исцелить лихо, родившееся среди нолдоров; и все были приглашены в его чертоги на Таникветиль, дабы отбросить рознь, что легла между их вождями, и навсегда позабыть об уловках Врага.

Были там и ваниары, и нолдоры Тириона, и майары собрались вместе, а валары облачились в красу и величие; они пели пред Манвэ и Вардой в их высоких чертогах и плясали на зеленых склонах Горы, обращенных к Древам. В тот день улицы Валмара были пусты и сходы Тириона безмолвны: земли дремали в мире. Лишь тэлери за горами по-прежнему пели на морских берегах; ибо времена года мало трогали их, они не задумывались ни о заботах Правителей Арды, ни о Тени, что пала на Валинор, – ведь покуда она не коснулась их.

И лишь одно омрачало замысел Манвэ. Феанор пришел, ибо ему – единственному – Манвэ *повелел* прийти, но ни Финвэ, ни кто иной из нолдоров Форменоса не явился. Ибо сказал Финвэ: «Покуда сын мой Феанор в изгнании и не может войти в Тирион, я считаю себя лишенным трона и не стану встречаться с моим народом». А Феанор не надел праздничных одеяний – ни вышивок, ни серебра, ни золота, ни драгоценных камней не было на нем; и он лишил валаров и эльдаров света Сильмариллов, оставив их под замком в Форменосе, в железной палате. Тем не менее он встретился с Финголфином пред троном Манвэ и был дружелюбен – на словах; а Финголфин предал забвению обнаженный меч и протянул руку, говоря так:

– Что я обещал – то и делаю. Я прощаю тебя и не помню обид. – Феанор молча пожал ему руку, но Финголфин промолвил: – Полубрат по крови, истинным братом по духу буду я. Ты станешь вести, а я следовать. И да не разделят нас впредь никакие печали!

– Я слышал твое Слово, – отвечал Феанор. – Быть посему. – Но не ведали оба, чем обернутся их речи.

Говорят, что в тот самый час, когда Феанор и Финголфин стояли пред Манвэ, настало смещение света, когда сияли оба Древа, и безмолвный Валмар был залит золотым и серебряным блеском. И в тот самый час Мелькор и Унголианта пронеслись по-над полями Валинора, подобные тени от черной тучи, что ветер гонит над залитой солнцем землей; и остановились у зеленого холма Эзеллохар. Тут Бессветие Унголианты поднялось до корней Древ, и Мелькор вступил на холм; и черным копьём он пронзил оба Древа, нанеся им глубокие раны. Сок их лился, как кровь, и орошал землю. Унголианта же слизывала его, а потом стала переходить от Древа к Древу, погружая черный хобот в их раны, пока не осушила их; и яд Смерти, что жил в Унголианте, проник в их тела и ветви, в крону и корни, и они умерли. А ее все томила жажда, и, подползши к Прудам Варды, она выпила их до дна; пока же Унголианта пила, она выдыхала испаренья столь черные, и рост ее стал столь огромен, а облик так ужасен, что Мелькор устрасился.

* * *

Так великая тьма пала на Валинор. О делах того дня много сказано в *Альдудэ́ниэ*, Плаче по Древам, что сложен ваниаром Элеммире и известен всем эльдарам. Однако ни песня, ни повесть не передаст всей скорби и всего ужаса, что настали тогда. Свет погас, но наставшая Тьма была больше чем просто потерей света. В тот час родилась Тьма, что казалась не пустотой, а живой тварью – ибо она порождена была злой силой из Света и владела мощью проникать взор, входить в сердце и душу и покорять волю.

Варда взглянула с Таникветиль и увидела Тень, воздвигшуюся внезапно бастионами мрака; Валмар погрузился в глубокое море ночи. Вскоре Благая Гора стояла одна – последний остров в затонувшем мире. Песни смолкли. В Валиноре царила тишь, ниоткуда не доносилось ни звука, лишь издали, из-за гор, сквозь ущелье приносил ветер рыдания тэлери, подобные леденящим воплям чаек. Ибо с востока потянуло холодом и морская мгла накатывалась на высокие берега.

Но Манвэ с высокого трона обозревал дали, и взор его – единственный – проникал в ночь и узрел Тьму чернее ночи, непроницаемую, огромную, но далекую, быстро мчащуюся на север; и понял Манвэ, что Мелькор приходил и ушел.

Тогда началась погоня: землю сотрясали кони воинства Оромэ, и огонь, что высекли копыта Нахара, был первым светом, вернувшимся в Валинор. Но едва достигнув Тучи Унго-лианты, всадники валаров ослепли, растерялись, рассеялись и поскакали, сами не зная куда; и глас валаромы захлебнулся и смолк. А Тулкас словно запутался в черных тенетах ночи – силы оставили его, и он тщетными ударами осыпал воздух. Когда же Туча ушла, стало поздно: Мелькор наслаждался местью и ушел невредимо.

Глава 9

Об исходе нолдоров

Прошло время – и великая толпа собралась вокруг Кольца Судьбы: валары восседали во тьме, ибо была ночь. Но звезды Варды сияли в небесах, и воздух очистился: ибо ветры Манвэ развеяли испарения смерти и отогнали морские туманы. И поднялась Йаванна и встала на Эзеллохаре, Зеленом Кургане, ныне пустом и черном; и она возложила руки на Древа, но те были темны и мертвы, и какой бы ветви ни коснулась она – ветвь ломалась и безжизненно падала к ее ногам. Тогда поднялся многоголосый плач; и казалось скорбевшим, что они осушили до дна чашу горя, налитую для них Мелькором. Но это было не так.

Йаванна обратилась к валарам:

– Свет Древ ушел и живет ныне лишь в Сильмарилах Феанора. Провидцем оказался он! Даже для самых могучих чад Илуватара существуют деяния, которых нельзя повторить. Свету Древ подарила жизнь я – и никогда более в Эа не совершу подобного. Однако, имей я хоть каплю этого света, я смогла бы вернуть жизнь Древам, прежде чем корни их иссохнут; и тогда наши раны затянутся и злоба Мелькора будет посрамлена.

Тогда спросил Манвэ:

– Слышал ли ты, Феанор, сын Финвэ, речи Йаванны? Дашь ли ты, о чем она просит?

Долго молчали все, но Феанор не ответил. И вскричал тогда Тулкас:

– Говори, о нолдор, да или нет! Но кто откажет Йаванне? Не из ее ли трудов вышел свет Сильмариллов?

Но Ауле-Создатель возразил:

– Не спеши! Мы просим о большем, чем ты думаешь. Дайте ему время – и покой, чтобы решить.

Тут заговорил Феанор – и горечь была в его словах:

– Для малых, как и для великих, есть дела, что сотворить они могут лишь единожды; и в этих делах живет их сердце. Возможно, я смогу расщепить свои алмазы, но никогда не сотворю я подобных им; и если я разобью их, то разобью свое сердце и погибну – первым из эльдаров в Амане.

– Не первым, – молвил Мандос, но его слов не поняли; и снова упала тишь, пока Феанор размышлял во тьме. Ему казалось, что он окружен кольцом врагов; ему вспомнились речи Мелькора, что Сильмарилы не будут сохранены, завладей ими валары. «Или он не валар, – говорил он себе, – или не читает в их душах? Вор выдает воров!» – и он горько вскричал:

– По своей воле я не сделаю этого! Если же валары принудят меня – я увижу, что Мелькор поистине сродни им.

– Ты сказал, – произнес Мандос.

И встала Ниэнна, взошла на Эзеллохар и, отбросив серый капюшон, слезами омыла грязь Унголианты; и пела она, скорбя о жестокости мира и об Искажении Арды.

Но когда Ниэнна рыдала, явились посланники – нолдоры из Форменоса, неся лихие вести. Они поведали, как слепящая Тьма нахлынула на север, и в сердце той Тьмы шла сила, коей не было имени, и Тьма изливалась из нее. А еще там был Мелькор, он подступил к дому Феанора и у дверей его сразил короля нолдоров Финвэ, пролив первую в Благословенном Краю кровь; ибо Финвэ – единственный – не бежал пред ужасом Тьмы. И еще сказали посланцы: Мелькор разрушил твердыню Форменоса, забрав все камни, что хранились там; и Сильмарилы сгинули.

Тут встал Феанор и, подняв руку, пред лицом Манвэ проклинал Мелькора и нарек его *Морготом*, Черным Врагом Мира; и лишь этим именем звали его впредь эльдары. Проклинал он также и призыв Манвэ, и час, когда он, Феанор, вступил на Таникветиль, решив в безумии

гнева и скорби, что, будь он в Форменосе, сил его хватило бы на большее, чем тоже погибнуть, как замыслил Мелькор. А после того Феанор вышел из Кольца Судьбы и бежал в ночь, ибо отец был ему дороже Света Валинора и беспримерного деяния собственных рук. Кто из сыновей эльфов или людей больше ценил своих отцов?

Многие страдали муке Феанора, но то, что он утратил, утратил не он один; и Йаванна плакала на кургане в страхе, что Тьма навек поглотит последние лучи Света Валинора. Ибо, хотя валары не осознали еще полностью, что случилось, они видели, что Мелькор призвал себе помощь из-за пределов Арды; Сильмарилы сгнули, и, казалось, уже все равно, ответил ли Феанор Йаванне «нет» или «да». Однако скажи он вначале, до того как пришли вести из Форменоса: «да», – быть может, после деяния его были бы иными. Ныне же рок навис над нолдорами.

Тем временем Моргот, уйдя от погони валаров, явился в пустоши Арамана. Земли эти лежат на севере, меж Пелорами и Великим Морем, как Аватар на юге; но Араман обширнее: меж берегом и морем раскинулись пустынные равнины, где царит холод – и чем ближе ко Льду, тем холоднее. В спешке пронеслись Моргот и Унголианта через этот край и, миновав великую мглу Ойомурэ, вышли к Хелкараксэ, где в проливе меж Араманом и Средиземьем лежал вздыбленный лед; Враг пересек пролив и вернулся на север Внешних Земель. Вместе двинулись они дальше, ибо Моргот не мог избавиться от Унголианты, ее туча все еще окружала его, и все ее глаза были устремлены на него; и так пришли они в земли, что лежат к северу от залива Дренгист. Моргот стремился к развалинам Ангбанда, своей древней западной твердыни; Унголианта, почуяв его надежду и поняв, что здесь он попытается ускользнуть от нее, остановила его, требуя, чтобы он отдал обещанное.

– Черносердый! – молвила она. – Я исполнила твою просьбу. Но я еще не насытилась.

– Чего же еще хочешь ты? – спросил Моргот. – Ужели весь мир должен уйти в твоё брюхо? Я не давал обета скормить его тебе. Владыка его – я.

– Так много мне не надо, – отвечала Унголианта. – Но ты забрал из Форменоса великие сокровища; я хочу получить их. Полной горстью ты насыплешь их.

И Моргот принужден был отдать ей камни, что нес с собой, – по одному; с великой неохотой делал он это, а она пожирала их, и красота их навеки покидала мир. Все огромное и темнее делалась Унголианта, но жажда ее была ненасытна.

– Лишь левой рукой давал ты, – сказала она. – Открой теперь правую.

В правой руке Моргот держал Сильмарилы – даже запертые в хрустальном ларце, они начали жечь его ладонь. Боль терзала его руку, но разжать ее он не желал.

– Нет! – ответил он. – Ты получила свое. Ибо лишь благодаря силе, что я вложил в тебя, сумела ты исполнить дело. Более ты не нужна мне. Этих творений ты не увидишь и не получишь. Они – мои навеки.

Но Унголианта стала громадной, а он уменьшился, так как потратил много сил; и она восстала на него, окутала тучей, обвила липкой паутиной, желая задушить. Тут Моргот испустил ужасающий вопль, что отозвался в горах. Потому и зовется этот край Ламмот – отзвуки этого крика навсегда поселились в нем, и каждый громкий крик в том краю пробуждает их, и все прибрежье до самых гор полнится воплями яростной муки. Крик Моргота был самым страшным и громким из всех, звучавших когда-либо на севере Мира: горы затряслись, земля содрогнулась, скалы треснули и разошлись. Глубоко и далеко был слышен этот крик. Под развалинами чертогов Ангбанда, в безднах, куда в спешке не заглянули валары, все еще таились балроги, дожидаясь возвращения своего Властелина; теперь они проснулись и, перенесясь через Хитлум, огненным смерчем примчались в Ламмот. Пламенными бичами они разбили сети Унголианты, она отступила и обратилась в бегство, изрыгая клубы черного дыма, скрывающего ее. Бежав с севера, она пробралась в Белерианд и поселилась у подножия Эред-Гóргорота, в темной долине, что после, из-за порожденного Унголиантой страха, звалась Нан-Дúнгортеб, Доли-

ной Ужасной Смерти. Ибо там со времен разрушения Ангбанда жили мерзкие твари в том же паучьем обличье; и она сочеталась с ними, а потом пожирала; и даже когда сама Унголианта сгинула неведомо куда, потомство ее жило там и плело свои мерзкие сети. О судьбе Унголианты не говорит ни одно предание. Однако кое-кто считает, что она давным-давно исчезла, в неутолимом своем голоде пожрав саму себя.

Так страхи Йаванны, что Сильмарилы будут поглощены Тьмой и канут в ничто, не сбылись; но они остались во власти Моргота. А он, освободившись, вновь собрал всех своих слуг, кого смог найти, и пришел в развалины Ангбанда. Он заново отрыл обширные подземелья и казематы, а над воротами поднял трехголовые пики Тánгородрима, и темный дым всегда клубился вокруг них. Бесчисленны стали воинства его тварей и демонов, а порода орков, порожденная прежде, росла и множилась во чреве Земли. Черная тень простерлась над Белериандом, Моргот же отковал в Ангбанде железный венец и нарек себя Владыкой Мира, в знак чего вставил в свой венец Сильмарилы. Руки его были сожжены дочерна прикосновением к этим благим алмазам, и черными остались они навек; и никогда не оставляла его боль от ожогов и ярость от боли. Никогда не снимал он венца, хоть вес его и был ему тяжким бременем. Никогда не покидал он глубинных залов своей твердыни, направляя войска с северного своего трона; лишь раз тайно покинул он свои владения. И лишь раз за время своего владычества брал он в руки оружие.

Ибо теперь ненависть глодала его куда сильнее, чем во дни Утумно, когда гордыня его еще не была посрамлена, и ныне он вкладывал свой дух во владычество над своими прислужниками, в возжигание в них жажды зла. И все же величие его, как одного из валаров, до времени оставалось при нем, хоть и обращенное в ужас, и пред ликом его все, кроме самых могущественных, низвергались в темную бездну страха.

* * *

Когда стало известно, что Моргот бежал из Валинора и погоня была напрасной, валары долго сидели в раздумье среди тьмы в Кольце Судьбы, и майары и ваниары, рыдая, стояли вокруг; нолдоры же большей частью вернулись в Тирион и оплакивали свой затмившийся город. Через погруженную во мрак Калакирию с темных морей врывались туманы и окутывали башни, и светильник Миндона тускло светил во тьме.

Нежданно появился в городе Феанор и призвал всех к королевскому двору на вершине Туны. Но приговор к изгнанию все еще тяготел над ним, и он восстал против валаров. А потому сбежалась большая толпа – послушать, что он скажет; холм и все лестницы, и улицы, ведущие к нему, были залиты светом факелов, что собравшиеся держали в руках. Феанор был красноречив, и язык давал ему огромную власть над сердцами, когда он хотел того; и в ту ночь сказал он нолдорам Слово, что запомнилось им навек. Пламенна и ужасна была его речь, исполнена гордыни и ярости; и, внимая ей, нолдоры потеряли разум. Большую часть своего гнева и ненависти обрушил он на Моргота, и все же почти все его речи выросли из лжи Моргота; Феанор обезумел от скорби по убитому отцу и от потери Сильмариллов. Он требовал владычества над всеми нолдорами – раз Финвэ умер – и отвергал установления валаров.

– Почему, о нолдоры, – вопрошал он, – почему должны мы и дальше служить алчным валарам, которые не могут уберечь от Врага ни нас, ни свои собственные владения? И хотя теперь *Он* их враг, не одной ли они с ним крови? Мечь гонит меня отсюда – но и без этого я не стал бы жить в одном краю с родичами того, кто убил моего отца и похитил мои сокровища. И не единственный я храбрец в народе отважных. Или не все вы лишились короля? И чего еще не лишились вы, запертые в теснине между горами и морем? Прежде здесь был свет, в котором валары отказали Средиземью, но теперь тьма уравнила все. Будем ли мы вечно скорбеть здесь – сумеречный народ, задавленный мглою, – роняя напрасные слезы в неблагоприятное море? Или

вернемся в свой дом? Сладки воды Куйвиэнен под ясными звездами, и широки земли, что простерлись вокруг него, – земли, где есть место для вольного народа. Страны эти ждут нас – а мы по глупости покинули их. Идем к ним! Пусть трусы сторожат город!

Долго говорил он так, убеждая нолдоров следовать за ним и, пока не поздно, доблестью своей завоевать свободу и великие владения на востоке; он вторил лжи Мелькора, что валары заманили их сюда и будут держать в плену, дабы люди могли править Средиземьем. Многие эльдары тогда впервые услышали о Последышах.

– Пусть трудна дорога, – говорил он, – дивным будет конец ее! Проститесь с оковами! Но проститесь и с беззаботностью! Проститесь со слабыми! Проститесь со своими сокровищами! Мы создадим бóльшие! Идите налегке, но возьмите мечи! Ибо нам идти дальше, чем Оромэ, терпеть дольше, чем Тулкасу: мы никогда не откажемся от погони. За Морготом – до края Земли! Война станет нашим уделом – и непримиримая ненависть. Но когда победим и вернем Сильмарилы – тогда мы и только мы будем владеть Меркнушим Светом и царить над блаженством и красотой Арды. Никто не лишит нас этого!

И Феанор поклялся ужасной клятвой. Семеро его сыновей бросились к нему и, стоя бок о бок, дали тот же обет; и кроваво блестели в мерцании факелов клинки их обнаженных мечей. Этой клятвы никто не может нарушить, и никто не должен произносить ее: именем Илуватара клялись они, призывая на свою голову Извечный Мрак, если не сдержат обета; и Манвэ призывали в свидетели, и Варду, и благую гору Таникветиль, клянясь ненавидеть и преследовать до конца Мира валара, демона, эльфа или нерожденного еще человека, или иную тварь, большую или малую, добрую или злую, когда бы ни пришла она в мир – любого, кто захватит, или получит, или попытается укрыть от Феанора или его наследников Сильмарилы.

Так говорили Маэдрос, Маглор и Келегорм, Куруфин и Карантир, Амрод и Амрас – принцы нолдоров; и многие устремились, слыша ужасные речи. Ибо от такой клятвы нельзя освободиться, и будет она преследовать до конца света и того, кто нарушит ее, и того, кто сдержит. Посему Финголфин и его сын Тургон воспротивились Феанору – и прозвучали злые слова, и снова гнев прилил к остриям мечей. Но вот тихо, как всегда, заговорил Финарфин – он старался успокоить нолдоров, заставить их остановиться и задуматься, пока не содеяно то, чего не изменишь; и так же говорил один из его сыновей, Ородрет. Финрод был на стороне своего друга Тургона; а Галадриэль, воинственная и статная, единственная женщина среди спорящих принцев, желала идти в поход. Она не давала клятвы, но слова Феанора о Средиземье пылали в ее сердце. Не терпелось ей увидеть безграничные просторы и править в них – в собственном владении и по собственной воле. То же думал и сын Финголфина, Фингон: ему тоже запали в душу слова Феанора, хотя самого Феанора он не любил; а за Фингоном, как всегда, пошли Ангрод и Аэenor, сыны Финарфина. Однако они хранили спокойствие и не перечили отцам.

Наконец после долгих споров Феанор взял верх и зажег бóльшую часть собравшихся нолдоров жадой увидеть новые дивные земли. Потому, когда Финарфин вновь стал призывать помешкать и задуматься, поднялся громкий крик: «Нет, идем, идем тотчас!» И Феанор с сыновьями начали готовиться к уходу.

Немного видели впереди те, кто решился вступить на темный этот путь. Однако все было сделано в величайшей спешке: Феанор влек их вперед, боясь, что сердца их остынут и слова его пропадут втуне; и, как бы ни были горды его речи, он помнил о мощи валаров. Но из Валинора не приходило вестей, и Манвэ безмолвствовал. Он не хотел ни препятствовать Феанору, ни запрещать ему действовать. Ибо валаров опечалили упреки в злых намерениях против эльдаров и не хотели они удерживать никого против воли. Сейчас они наблюдали и ждали, ибо не верилось им, что Феанор сможет подчинить всех нолдоров своей воле.

И впрямь, когда Феанор взялся руководить выступлением нолдоров, начались раздоры. Ибо, хотя Феанор и подвигнул всех на уход, далеко не все согласны были признавать его королем. Куда больше любили они Финголфина с сыновьями – и множество жителей Тириона

отказались подчиниться Феанору, даже если и пойдут с ним; так что в конце концов нолдоры пустились в горький свой путь двумя воинствами. Феанор и его сторонники шли впереди, но воинство Финголфина было больше; сам он шел против воли, по просьбе своего сына Фингона, и еще потому, что не хотел оставлять свой народ, страстно желавший уйти, на произвол поспешных решений Феанора. Финголфин не забыл о словах Феанора перед тронем Манвэ. Вместе с Финголфином – по тем же причинам – шел Финарфин, но уходил он очень неохотно. Из всех нолдоров Валинора, ставших теперь поистине многочисленным народом, едва десятая часть отказалась отправиться в путь: кое-кто из любви к валарам (прежде всего к Ауле), кое-кто из любви к Тириону и дивным творениям своих рук – но никто из страха перед грозными опасностями пути.

Едва пропела труба и Феанор вышел из врат Тириона, посланец Манвэ принес его слово:

«Неразумию Феанора могу я противопоставить лишь совет. Не уходите! Настал недобрый час, и путь ваш ведет к скорби, коей вам не дано провидеть. В этом походе валары не станут помогать вам, но не станут они и удерживать вас. Знайте: как вольны вы были прийти сюда, так вольны и уйти. Ты же, Феанор, сын Финвэ, клятвой своей изгнал себя сам. В горестях распознаешь ты ложь Мелькора. Он валар, сказал ты. Тогда клятва твоя неисполнима, ибо никого из валаров не одолеть тебе – ни теперь и никогда впредь в чертогах Эа, пусть даже Эру, коего ты призывал, сделает тебя втрое сильнее, чем ты есть».

Но рассмеялся Феанор и, обращаясь не к вестнику, а к нолдорам, сказал:

– Так! Значит, сей доблестный народ отпустит наследника своего короля в изгнание одного, лишь с сыновьями, сам же вернется в оковы? Но если кто и пойдет со мной – вот что скажу я им: вам предрекли скорбь? Но мы познали ее в Амане. В Амане низверглись мы от блаженства к скорби. Попытаемся же теперь взойти через скорбь к радости – или хотя бы к свободе.

Потом, обратясь к посланцу, воскликнул:

– Так скажи Манвэ Сулимо, Высокому Властителю Арды: если Феанор не сможет низвергнуть Моргота, он, во всяком случае, не станет откладывать погони и медлить, скорбя. И быть может, Эру вложил в меня пламя куда большее, нежели ведаешь ты. Такую рану нанесу я Врагу валаров, что даже Могучие в Кольце Судьбы удивятся, узнав о том. О да, в конце концов они пойдут за мною. Прощайте!

В тот час голос Феанора был столь могуч и властен, что даже вестник валаров поклонился ему, словно получил достойный ответ, и удалился. Нолдоры продолжали путь, и род Феанора, торопясь, вел их вперед вдоль берегов Эленде. Не единожды обращался их взор назад, к Тириону на зеленой Туне. Медленнее и не так охотно двигалось сзади воинство Финголфина. Первым шел Фингон, а в конце Финарфин, и Финрод, и многие благороднейшие и мудрейшие нолдоры; и часто оглядывались они, дабы увидеть дивный город свой, покуда свет Миндон Эльдалиева не исчез в ночи. Они уносили оттуда больше воспоминаний о блаженстве, нежели все другие, и кое-кто даже захватил с собою некоторые сделанные там вещи – утешение и бремя в пути.

* * *

Феанор вел нолдоров на север, ибо намеревался преследовать Моргота. Кроме того, Туна у подножия Таникветиль лежала у самой границы Арды, и Великое Море было там неизмеримо широко, тогда как на севере, где пустыня Арамана и берега Средиземья сближались, разделяющие их воды становились уже. Но рассудок Феанора остыл, и понял он, хоть и поздно, что всему их огромному воинству никогда не преодолеть долгих лиг до севера и не пересечь морей, кроме как на судах; однако постройка столь большого флота заняла бы слишком много времени, будь даже нолдоры искушены в этом ремесле. Потому он решил уговорить тэлери, все-

гдашних друзей нолдоров, присоединиться к ним; и в бунтарстве своем думал, что так можно преуменьшить блаженство Валинора и приумножить силы для борьбы с Морготом. И он поспешил в Альквалондэ и там держал перед тэлери ту же, что и в Тирионе, речь.

Но тэлери не тронули его слова. Они печалились об уходе своих родичей и давних друзей и скорее стали бы отговаривать их, чем помогать. И не желали они ссужать корабли или помогать строить их против воли валаров. Сами же они не хотели иного дома, кроме берегов Эльдамара, и иного владыки, кроме Ольвэ, короля Альквалондэ. Он никогда не внимал Морготу и не звал его в свои земли, и верил, что Ульмо и прочие валары залечат раны, нанесенные Морготом, и что за ночью снова придет рассвет.

Тогда Феанор разгневался, ибо все еще боялся задержки, и в сердцах объявил:

– Вы отрекаетесь от дружбы с нами в час нужды, однако вы рады были получить нашу помощь, когда – робкие, неумелые и неимущие – явились на этот берег. В прибрежных хижинах ютились бы вы по сей день, если б нолдоры не построили вам гавани и не трудились на ваших стенах.

Но отвечал Ольвэ:

– Мы не отрекаемся от дружбы. Однако дело друга – разубедить заблудшего. Когда нолдоры приветили нас и помогли нам, иные звучали речи: «В землях Амана жить нам вечно как братьям, чьи дома стоят рядом». Что же до кораблей – не вы дали их нам. Не у нолдоров научились мы этому искусству, но у Владык Моря. И белое дерево обрабатывали мы своими руками, а белые паруса ткали наши жены и дочери. А потому мы не отдадим и не продадим корабли ни другу, ни союзнику. Ибо говорю тебе, Феанор, сын Финвэ; они для нас то же, что камни для нолдоров, – труд наших сердец, и второй раз нам подобного не совершить.

Феанор оставил его и в мрачных думах сидел под стенами Альквалондэ, покуда не собралось его воинство. Тогда рассудил он, что сил у него довольно, и, войдя в Лебяжью Гавань, послал воинов на стоявшие у причалов корабли, дабы взять их силой. Но тэлери дали ему отпор и сбросили многих нолдоров в море. Обнажились мечи, и началась жестокая сеча на судах, на освещенных светильнями набережных и причалах Гавани, и даже на высокой арке ее врат. Трижды отбрасывали от кораблей воинов Феанора, и многие пали с обеих сторон; но тут нолдоров поддержал Фингон, и передовые отряды воинства Финголфина, которые, подоспев и увидев, что идет бой и родичи их погибают, кинулись в битву прежде, чем узнали, что было причиной розни; кое-кто решил даже, что тэлери хотят помешать исходу нолдоров по велению валаров.

Так тэлери были в конце концов побеждены и большинство мореходов Альквалондэ лиходейски убиты. Ибо нолдоры сражались отчаянно и яростно, а тэлери были слабее и вооружены лишь легкими луками. И нолдоры взошли на их белые корабли, сели на весла и поплыли вдоль берегов на север. И Ольвэ воззвал к Оссе – но тот не явился, ибо не позволили валары силой задерживать нолдоров; но Уинен оплакивала погибших мореходов-тэлери – и море в гнев поднялось на убийц. Многие корабли разбились, а все, кто был на них, – потонули. О резне в Альквалондэ много сказано в *Нолдолантэ*, падении нолдоров – в плаче, что перед смертью своей сложил Маглор.

И все же большинство нолдоров уцелело, и, когда буря кончилась, они двинулись прежним путем, кто по морю, кто по земле; но путь был долог, и чем дальше, тем становился труднее. Долго шли они в непроглядной ночи, покуда не пришли наконец к северным пределам Благословенного Края – холодным гористым пустошам Арамана. Там они увидели темную фигуру на высокой скале, что нависала над берегом. Говорят, что то был сам Мандос, посланный Манвэ. И услышали нолдоры громкий голос, мрачный и устрашающий, что велел им остановиться и слушать. Все застыли – и над воинством нолдоров из конца в конец разнеслись тяжкие слова проклятия и приговора, названного позднее Пророчеством Севера и Проклятием нолдоров. Многое было предсказано в туманных речах, коих нолдоры не понимали, пока беды

не настигли их; но все услышали проклятье, наложенное на тех, кто не остановится и не обратится за прощением к валарам:

«Слезы бессчетные прольете вы; и валары оградят от вас Валинор, исторгнут вас, дабы даже эхо ваших рыданий не перешло гор. Гнев валаров лежит на доме Феанора, и ляжет он на всех, кто последует за ним, и настигнет их, на западе ли, на востоке. Клятва поведет их – и предаст, и вырвет у них из рук сокровище, добыть которое они поклялись. Все начатое в добре завершится лихом; брат будет предавать брата и сам страшиться измены. Изгоями станут они навек.

Несправедливо пролили вы кровь своих братьев и запятнали землю Амана. За кровь вы заплатите кровью и будете жить вне Амана под тенью Смерти. Ибо, хотя промыслом Эру вам не суждено умирать в Эа и никакой болезни не одолеть вас, вы можете быть сражены и сражены будете – оружием, муками и скорбью; и ваши бесприютные души придут тогда к Мандосу. Долго вам жить там, и тосковать по телам, и не найти сочувствия, хотя бы все, кого вы погубили, просили за вас. Те же, кто останется в Средиземье и не придет к Мандосу, устанут от Мира, как от тяжкого бремени, истомятся и станут скорбными тенями печали для юного народа, что придет позже.

Таково слово валаров».

Многие устремились; но Феанор ожесточил свое сердце и молвил:

– Мы поклялись, и не шутя. Клятву мы эту сдержим. Нам сулят многие беды и предательство – в первую голову; об одном лишь сказано не было: что нас погубит страх, трусость или боязнь трусости. Потому говорю я, что мы пойдем вперед, и предрекаю: дела, свершенные нами, будут воспеты в песнях – и не забудутся до последних дней Арды.

Но Финарфин в тот час презрел поход и возвратился назад, исполняясь печалью и гневом на дом Феанора, ибо был в родстве с Ольвэ Альквалондским; и многие из его народа шли с ним, в скорби повернув вспять, покуда не узрели вновь на Туне дальний луч Миндона, все еще горевшего в ночи, и не вернулись в Валинор. Они получили прощение валаров, и Финарфину было доверено править остатками нолдоров в Благословенном Краю. Но сыновья его не пошли с ним, ибо не хотели покинуть сыновей Финголфина; и все Финголфиново воинство по-прежнему двигалось вперед, влекомое узами родства, волей Феанора и страхом встретиться лицом к лицу с валарами; ибо не все они невинными вышли из Резни. К тому же Фингон и Тургон были отважны и пламенны душой и не хотели отказываться от начатого, решив идти до конца, пусть горького – если ему суждено быть горьким. Так что воинство шло и шло – и вскоре предсказанное лихо начало сбываться.

К тому времени нолдоры зашли далеко на север Арды: увидев первые глыбы льда, плававшие в море, они поняли, что приблизились к Хелкараксэ. Ибо между Аманом, что на севере изгибался к востоку, и Эндором (что значит «Средиземье») был узкий пролив, в котором сливались стылые воды Окружающего Моря и волны Бёлегаера, там висели густые туманы и смертнохолодная мгла, а в море сталкивались обломки льда и ледовые горы. Таков был Хелкараксэ; и до сих пор никто, кроме валаров и Унголианты, не осмеливался им пройти.

Феанор остановился, и нолдоры стали думать, как им идти дальше. Но они жестоко страдали от холодов и липких туманов, которых не могли пронзить лучи звезд; многие – особенно среди воинства Финголфина – пожалели, что вышли в путь, и начали роптать, проклиная Феанора и называя его причиной всех бед эльдаров. А Феанор, зная все это, посоветовался со своими сыновьями; лишь два способа нашли они, чтоб уйти из Арамана и попасть в Эндор: по льду или на судах. Но Хелкараксэ считали непроходимым, а кораблей было слишком мало. Много их погибло в долгом походе, а оставшихся не хватило бы, чтобы перевезти все воинства сразу; однако никто не хотел дожидаться на западном берегу, пока другие будут переправляться: страх предательства уже жил среди нолдоров.

И вот Феанор и его сыновья замыслили захватить все корабли и отплыть внезапно, ибо они командовали флотом со дня битвы в Гавани и на судах были лишь те, кто бился там и был предан Феанору. И, словно повинувшись его желанию, задул ветер с северо-запада – и Феанор с теми, кого считал верными себе, тайно взошел на корабль и вышел в море, оставив Финголфина в Арамане. Держа на восток и чуть-чуть на юг, он пересек узкий пролив без потерь и первым из нолдоров вновь ступил на берега Средиземья; высадился же Феанор в устье залива Дренгист, что глубоко врезался в Дор-Лобин.

Когда они высадились, Маэдрос – старший его сын и в былые дни, прежде чем ложь Мелькора разделила их, друг Фингона – спросил Феанора:

– Кого из гребцов и на каких судах пошлешь ты теперь назад, и кого им перевезти первыми? Фингона Отважного?

Тут Феанор захохотал как безумный.

– Никого и ничего! – вскричал он. – То, что бросил я, не потеря – ненужный груз в пути, не более. Пусть те, кто проклинал мое имя, клянут его и впредь, пусть возвращаются в тенета валаров. Пусть горят корабли!

Тогда Маэдрос отошел поодаль и стоял там один. А Феанор велел поджечь корабли тэлери. Так в месте, называвшемся Лобсар, при входе в залив Дренгист, погибли прекраснейшие из судов, когда-либо бороздивших моря, – их поглотило яростное пламя. А Финголфин и его спутники увидели издали на небе алое зарево, отблеск огня – и поняли, что преданы. Таковы были первые плоды Проклятия Нолдоров.

Тут Финголфин, видя, что Феанор бросил его погибать в Арамане либо со стыдом возвращаться в Валинор, исполнился горечи; но теперь, как никогда прежде, хотелось ему любым путем достигнуть Средиземья и вновь встретиться с Феанором. И вот долго он и его народ шли, терпя нужду, – но чем труднее был путь, тем храбрее и выносливей становились они, ибо были могучим племенем – старшие, бессмертные дети Эру Илуватара, вышедшие из Благословенного Края и не познавшие еще земной усталости. Огонь их сердец был юн, и, ведомые Финголфином, его сыновьями, Финродом и Галадриэлью, они отважились идти по жестокому Северу и, не найдя иного пути, ступили на вздыбленный лед Хелкараксэ. Немногие деянья нолдоров в грядущем превзошли в тягостях и скорби этот отчаянный переход. Там погибли жена Тургона, Эленвэ, и многие другие эльфы; и когда Финголфин ступил на Внешние Земли, воинство его истаяло. Мало любви питали к Феанору те, кто шел за его братом и чьи трубы слышало Средиземье при первом восходе Луны.

Глава 10

О синдарах

Как уже говорилось, власть Эльвэ и Мелиан упрочилась в Средиземье, и все эльфы Белерианда, от мореходов Кирдана до бродячих охотников с Синих Гор за рекой Гелион, признавали Эльвэ своим владыкой; Элу Тинголом звался он, что значит Король Серебряный Плащ. А народ его звался *синдарами*, Сумеречными Эльфами озаренного звездами Белерианда; и хотя были они мориквенди, под владычеством Тингола, учась у Мелиан, они стали прекраснейшим и самым мудрым и умелым народом Средиземья. В конце первого века Пленения Мелькора, когда земля жила в мире и благодать Валинора была в расцвете, в мир пришла Лютиэн, единственное дитя Тингола и Мелиан. Хотя большая часть Средиземья дремала во Сне Йаванны, в Белерианде, под властью Мелиан, царили жизнь и радость, и ясные звезды пылали, подобно серебряным кострам; там, в рощах Нелдорета, родилась Лютиэн, и белые цветы *ни́фредилия* вошли ей навстречу, как звезды земли.

* * *

Случилось так, что во второй век Пленения Мелькора гномы перевалили Эред-Луин – Синие Горы – и пришли в Белерианд. Они называли себя *ка́зад*, а синдары звали их *на́угримами*, Низкорослым Народом, и *го́ннхирримами*, Господами Камня. Самые древние поселения наугримов были далеко на востоке, но они высекли для себя, как то было у них в обычае, величественные чертоги и твердыни в восточных склонах Эред-Луина; звались те города на их языке Габилгатхёл и Тумунзахар: севернее, на большой горе Дóлмед, был Габилгатхол, который эльфы на своем языке звали Бёлегост, Вёлиград; а южнее был высечен Тумунзахар, называвшийся эльфами Нóгрод, Пещеры Гномов. Величайшей из всех твердынь гномов было Подгорное Королевство, Кхазад-Дум, или, на языке эльфов, Хадходронд, что во дни своего затмения звалось Мóбрией; но оно было далеко, за просторами Эриадора, в Мглистом Хребте, и до эльфов доходили лишь слухи о нем от гномов Синих Гор.

Из Ногрода и Белегоста гномы пришли в Белерианд; и эльфы изумились, ибо считали себя единственными существами в Средиземье, владевшими речью и ремеслом, и думали, что вокруг живут лишь звери да птицы. Но они не могли понять ни слова на языке наугримов, казавшемся им неуклюжим и неприятным для слуха; и немногие из эльфов достигли в нем совершенства. Гномы, однако, учились легко и охотнее перенимали чужой язык, нежели обучали чужаков своему. Мало кто из эльфов бывал в Ногроде и Белегосте, кроме Эола из Нан-Эльмота и его сына Маэглина; но гномы приходили в Белерианд и проложили широкий тракт, что, пройдя под склонами горы Дóлмед, бежал вдоль реки Аскар и пересекал Гелион у Сарн Артада, Каменистого Брода, где впоследствии была битва. Дружба между наугримами и эльфами всегда была холодна, хотя и весьма выгодна тем и другим; но в те времена взаимные обиды еще не разделили их, и король Тингол приветчал гномов. Из всех людей и эльфов наугримы впоследствии более всего дружили с нолдорами, потому что любили Ауле и преклонялись перед ним; а самоцветы нолдоров ценились наугримами более всех богатств.

Во тьме Арды гномы создавали уже свои творения, ибо с самых первых дней Праотцы их были удивительно искусны в работе с металлом и камнем; но в те древние времена они больше любили работать с железом и бронзой, чем с серебром и золотом.

А надо сказать, что Мелиан, как все майары, владела даром провидения; и когда второй век Пленения Мелькора был на исходе, она открыла Тинголу, что Мир Арды не будет длиться вечно. Потому он задумался, как построить себе королевские чертоги и укрепить их, если

вправду лихо проснется в Средиземье, и обратился за помощью и советом к гномам Белегоста. Те отозвались охотно, ибо не устали еще и любили новые дела. И хотя гномы всегда требовали награды за свой труд, был он им в радость или нет, на сей раз они сочли себя вознагражденными сполна. Ибо Мелиан многому научила их, а Тингол одарил жемчугами. Жемчуг дал ему Кирдан, ибо его было великое множество на отмелях Балара; но наугримы не видели прежде ничего подобного и высоко оценили дар. Одна жемчужина была размером с голубиное яйцо и блистала, как звездный свет на пене морской; звалась она Нимфелос, и царь гномов Белегоста ценил ее превыше горы сокровищ. Посему наугримы долго и радостно трудились для Тингола и строили для него подземные – по своему обычаю – чертоги. Там, где тек Эсгалдуин, разделяя Нелдорет и Дориат, возвышалась среди густых лесов гора, и река струилась у ее подножия. Там и поставили гномы врата Тинголова дворца, а взойти туда можно было лишь по каменному мосту, что воздвигли гномы через реку. От ворот этих шли переходы в глубь горы, где выбили гномы в живом камне высокие палаты и обширные обители. Звались эти чертоги Менегрот – Тысяча Пещер.

Но эльфы тоже трудились там и вместе с гномами – каждый по-своему – запечатлели видения Мелиан, дивные и прекрасные образы Валинора Заморского. Колонны Менегрота были подобны букам Оромэ – крона, ветви и ствол – и освещались золотыми светильниками. Соловьи пели там, как в садах Лориэна; фонтаны были из серебра, бассейны из мрамора, а полы – из многоцветного камня. Высеченные фигуры зверей и птиц бежали по стенам, карабкались на колонны или смотрели с усыпанных цветами ветвей. И с течением лет Мелиан и ее девы заполнили залы ткаными коврами, где изображены были деяния валаров и многое, что случилось в Арде с ее основания, и – смутно – то, что грядет. То было прекраснейшее из королевских жилищ к востоку от моря.

А когда строительство Менегрота было завершено и во владениях Тингола и Мелиан царил покой, наугримы время от времени переходили горы и бродили по их землям; но никогда не появлялись они в Фаласе, ибо ненавидели шум моря и боялись его вида. Только они и приносили в Белерианд вести и слухи из внешнего мира.

Но когда пошел третий век Пленения Мелькора, гномы забеспокоились и обратились к королю Тинголу, говоря, что валары не выкорчевали всего северного лиха и теперь остатки его порождений, долго плодившиеся во тьме, появляются снова. «Жуткие твари бродят к востоку от гор, – говорили они, – и ваши древние родичи, что живут там, бегут с равнин в холмы».

А вскоре лиходейские твари через горные перевалы или сумрачные южные леса начали проникать в Белерианд. То были волки – или существа в волчьем обличье – и другие порождения тьмы; были среди них и орки, позже разорившие Белерианд. Но куда они, немногочисленные и слабые, лишь разведывали путь, дожидаясь возвращения своего господина. Откуда они пришли и кто они – эльфы тогда не знали, полагая, что это, должно быть, авари, одичавшие в глуши. Догадка эта, как говорят, близка к истине.

И Тингол задумался об оружии, которое прежде не было нужно его народу; сначала оружие это ковали ему наугримы, большие мастера в этом деле – и самыми искусными среди них были кузнецы Ногрода, первым из которых – и непревзойденным – считался Телхар. Наугримы издревле были народом воинственным и могли яростно биться со всяким, кто обидит их, – будь то прислужники Мелькора, эльдары, авари и даже нередко их родичи, гномы других городов. Кузнечному делу синдары скоро выучились у них; лишь в закалке стали гномов не могли превзойти даже нолдоры, и в плетении кольчуг, придуманных кузнецами Белегоста, работа их не имела себе равных. И вот синдары хорошо вооружились и изгнали всех лиходейских тварей, и снова стали жить в мире; а в оружейнях Тингола хранились топоры, копья и мечи, высокие шлемы и длинные рубахи из сверкающей стали, ибо доспехи гномов не ржавели и всегда блестяли, как новые. И в грядущие дни это оказалось весьма полезным Тинголу.

* * *

Как уже было сказано, некий Ленвэ из воинства Ольвэ отказался от похода эльдаров в те дни, когда тэлеры стояли на берегах Великой Реки, на границах западных земель Средиземья. Мало что известно о скитании нандоров, которых он увел вниз по Андуину: кое-кто из них, говорят, веками жил в лесах Долины Великой Реки, кое-кто пришел в конце концов к ее устью и поселился у Моря, а третьи, перейдя Эред-Нимрас, Белые Горы, снова пришли на север – в дебри Эриадора меж Эред-Луином и дальним Мглистым Хребтом. А надо сказать, что они были лесным народом и не знали оружия из стали; потому приход лихих тварей с севера, как рассказали наугримы в Менегроте королю Тинголу, наполнил их великим страхом. Посему Дэнетор, сын Ленвэ, прослышав о мощи и величии Тингола и о мире в его владениях, собрал всех, кого смог сыскать из бродячего своего племени, и перевел их через горы в Белерианд. Тингол приветствовал их с радостью, как потерянных и вновь обретенных родичей, – и поселились они в Оссирианде, Краю Семи Рек.

О долгих годах мира, что последовали за приходом Дэнетора, известно немного. Говорят, что в те дни Дáэрон Песнопевец, самый ученый из мужей в королевстве Тингола, изобрел руны; и наугримы, приходившие к Тинголу, выучили их и радовались изобретению, оценив искусство Даэрона куда выше, чем сами синдары. Наугримы перенесли эти руны, *Кирт*, через горы и сделали достоянием многих народов; однако сами синдары до Войны мало пользовались ими и не вели летописей, а многое, что хранилось в памяти, погибло при разорении Дориата. Мало рассказывали о блаженстве и радости жизни в Дориате, покуда он не погиб; так творения прекрасные и дивные, пока они существуют и радуют взор, говорят сами о себе, и лишь когда они в опасности или гибнут, о них слагают песни.

В Белерианде тех дней бродили эльфы, струились реки, сияли звезды и благоухали ночные цветы; и краса Мелиан была подобна полдню, а краса Лютиэн – вешнему рассвету. Король Тингол на своем троне подобен был владыкам майаров, могучим и безмятежным, что дышат блаженством, словно воздухом, а думами проникают с высот до глубин. В Белерианд еще наезжал время от времени Оромэ Великий, ветром проносясь над горами, и звук его рога далеко разносился в подзвездных землях, и эльфы трепетали перед величием его облика и громом копыт Нахара; но когда голос валаромы отдавался в горах, они знали, что все лихо бежит без оглядки.

* * *

Но прошло время, когда блаженство убыло, и полдень Валинора затмился. Ибо, как говорилось уже и известно всем, потому что о том повествуют Книги Знаний и поют песни, Мелькор убил Древа валаров с помощью Унголианты, бежал и вернулся в Средиземье. Далеко на севере произошла битва между Морготом и Унголиантой; и вопль Моргота пронесся над Белериандом; и все народы содрогнулись от страха, ибо они, хоть и не знали, что этот вопль предвещает, услышали в нем предвестие смерти. А вскоре Унголианта бежала с севера и явилась во владения короля Тингола, и ужас Тьмы окружал ее; но сила Мелиан остановила ее, и она не вошла в Нелдорет, но долго жила в тени скал, которыми обрывается на юге плато Дортонион. И те горы стали известны как Эред-Горгорот, Горы Ужаса, и никто не осмеливался подниматься туда или проходить близко: жизнь и свет там погибли, а воды были отравлены. Моргот же, как было сказано, вернулся в Ангбанд, и вновь отстроил его, и возвел над его вратами курящиеся пики Тангородрима; врата Моргота были лишь в ста пятидесяти лигах от моста Менегрота: далеко – и все же слишком близко.

А орки, которые множились во тьме под землей, стали сильны и жестоки, Черный Властелин наполнил их жадой разрушения и убийства; и они под покровом туч, посланных для этого Морготом, ринулись из врат Ангбанда и тайно перешли северные горы. И вот внезапно огромное войско вторглось в Белерианд и ударило по королю Тинголу. А в его обширных владениях многие эльфы вольно бродили в дебрях или жили отдельно, разбившись на роды и семейства. Многочислен народ был лишь в сердце края, близ Менегрота, да еще вдоль Фаласа, в землях мореходов. Но орки обошли Менегрот с двух сторон – и разорили земли меж Кéлоном и Гелионом на востоке и равнины меж Сирионом и Нáрогом на западе; и Тингол был отсечен от Кирдана в Эгларесте. Тогда Тингол воззвал к Дэнетору; и эльфы, вооружась, пришли из Рэгиона и из Оссирианда – и бились в первой битве Войн Белерианда. Восточную орду орков окружили рати синдаров севернее Андрама, на полпути между Аросом и Гелионом, и наголову разбили, а те, кто вырвался из тисков и бежал на север, пали под топорами наугримов, вышедших из-под горы Долмед; мало кто вернулся в Ангбанд.

Но эльфы заплатили за победу дорогой ценой. Ибо вооружены были эльфы Оссирианда легко, не то что орки, обутые в железо, с железными щитами и длинными копьями. Они отсекали Дэнетора от войска и окружили на холме Эмон-Эреб. Там пали он и все его близкие родичи – прежде чем войско Тингола подросло им на помощь. И хотя Тингол отомстил оркам, напав на них с тыла и уложив их всех, нандоры горько оплакивали смерть Дэнетора и никогда больше не избирали себе короля. После битвы кое-кто вернулся в Оссирианд, и рассказы их наполнили оставшихся нандоров таким страхом, что впредь они никогда не вступали в сражение, но держались осторожно и скрытно; и они стали зваться *лайквенди*, Зелеными Эльфами – по одежде цвета весенней листвы. Многие из них ушли на север, в огражденные владения Тингола, и смешались с его народом.

Когда Тингол возвратился в Менгрот, он узнал, что на западе орочья орда победила и оттеснила Кирдана к морю. Потому он собрал весь народ, какой только мог прийти на его зов, в Нелдорете и Рэгионе, и Мелиан оградила своей силой весь тот край – вокруг него встала будто стена из теней и чар, завеса Мелиан, сквозь которую никто не мог пройти против воли ее или Тингола, если только он не превосходил в мощи майю Мелиан. И укрытые земли, что долго звались Эгладором, стали называться Дóриатом, огражденным королевством, Землей Завесы. Внутри ее был бдительный мир, снаружи – опасности и великий страх, и прислужники Моргота бродили свободно повсюду, кроме окруженных стенами гаваней Фаласа.

* * *

Но приближались события, коих не провидел никто в Средиземье – ни Моргот в своих подземельях, ни Мелиан в Менегроте, ибо после гибели Дрeв из Амана не приходило вестей – ни наяву, ни во сне. В это самое время Феанор на белых кораблях тэлери пристал в заливе Дренгист и сжег корабли в Лосгаре.

Глава 11

О Солнце, Луне и Сокрытии Валинора

Рассказывают, что после бегства Мелькора валары долго сидели недвижно на своих тронах в Кольце Судьбы, но не бездействовали, как в безумии своем заявил Феанор. Ибо валары могут создать многое трудом мысли, а не рук, и без слов, в молчании советоваться друг с другом. Так безмолвно бдили они во тьме Валинора, уносясь мыслями назад, к началу Эа, и вперед – к Концу; но ни могущество, ни мудрость не умеряли их горя, ибо ведали они о свершающемся зле. И не меньше, чем о смерти Древ, скорбели они о падении Феанора – самом злом деле Мелькора. Ибо Феанор был создан самым доблестным, выносливым, прекрасным и умным, самым умелым, сильным и искусным среди Детей Илуватара. Лишь Манвэ мог представить себе дивные творения, которые способен был создать Феанор к вящей славе Арды. По словам ваниаров, которые бодрствовали вместе с валарами, когда посланцы передали Манвэ ответ Феанора, Владыка Арды зарыдал и склонил голову; но при последних словах Феанора – что дела нолдоров навеки войдут в песни – он поднял голову, словно услышав отдаленный глас, и молвил:

– Быть посему! Дорого будут оплачены те песни – но тем прекраснее прозвучат они. Ибо иной награды не ждать. Так, как и говорил нам Эру, краса, дотоле не виданная, явится в Эа, и лихо обернется во благо.

– И все же останется лихом, – сказал Мендос. – Скоро Феанор придет ко мне.

* * *

Но когда валары узнали, что нолдоры ушли из Амана и вернулись в Средиземье, они поднялись и начали воплощать в жизнь замыслы, что родились в их думах, дабы излечить причиненное Морготом зло. И повелел Манвэ Йаванне и Ниэнне приложить все силы ко возвращению и исцелению; и все могущество двух вал обратилось на Древа. Но слезы Ниэнны не могли залечить их смертельных ран, и долго Йаванна пела одна во тьме. Однако в миг, когда надежда угасла и песнь умолкла, у Тельперииона на безлистой ветви родился огромный серебряный цветок, а у Лаурелин – единственный золотой плод.

Йаванна взяла их, и тогда Древа умерли. Их безжизненные остовы по сей день стоят в Валиноре в память о погибшей радости. А цветок и плод Йаванна передала Ауле, и Манвэ благословил их, и Ауле со своим народом создал лады – сосуды, чтобы хранили их, пропуская сияние, – так повествует *Нарси́лион*, Песнь о Солнце и Луне. Эти лады валары отдали Варде, ибо надлежало им стоять светочами небес, более яркими, чем древние звезды, так как будут они ближе к Арде; и она дала им силу пересекать низшие области Ильмена и повелела им свершать назначенный путь вокруг Земли с запада на восток и возвращаться назад.

Все это валары совершали, думая о лежащих во тьме землях Арды; решили они осветить Средиземье и тем воспрепятствовать Мелькору. Ибо они помнили об авари, что остались у вод пробуждения, и не хотели до конца оставлять изгоев-нолдоров; и к тому же Манвэ знал, что близок час прихода людей. И говорят, что как некогда валары пошли войной на Мелькора во имя квенди, так теперь отказались от войны во имя *хилдоров*, Последышей, младших Детей Илуватара. Ибо столь тяжки были раны, нанесенные Средиземью в войне против Утumno, что опасались валары нанести еще более страшные, в то время как хилдоры будут смертны и слабее квенди – слишком слабы, чтобы вынести бури и ужас. Кроме того, не открыто Манвэ, где явятся люди – на севере, юге или востоке. Потому валары выслали в небеса свет, но укрепили землю, где жили.

Итил Сияющий – так звали в древности ваниары Луну, цветок Тельперииона; и Анаром, Златым Огнем, нарекли они Солнце, плод Лаурелин. Нолдоры звали их еще Ра́на, Бродяга, и Ва́са, Дух Огня, что пробуждается и пожирает; ибо Солнце было создано как знак пробуждения людей и увядания эльфов, а Луна лелеяла их воспоминания.

Дева, избранная валарами из майаров править ладьей Солнца, звалась Ариэн; а лунный остров должен был направлять Ти́лион. Ариэн во дни Древ ухаживала в садах Ваны за золотыми цветами и поила их росой Лаурелин; Тилион же ездил охотником в дружине Оромэ, и лук его был из серебра. Он любил серебро и, когда хотел отдохнуть, покидал леса Оромэ, уходил в Лориэн и дремал у озер Эсте в мерцании лучей Тельперииона; и он попросил позволения вечно ухаживать за последним Серебряным Цветком. Дева Ариэн была более могуча, чем он, и ее избрали, потому что она не боялась жара Лаурелин и не обжигалась, будучи изначально духом огня, которого Мелькор не смог ни обмануть, ни привлечь к себе на службу. Даже эльдаров слепило сияние ее глаз. Уйдя из Валинора, она сбросила облик – одеяние, что носила, подобно валарам, – и стала обнаженным пламенем, ужасающим в полноте своего блеска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.